

ДЕТЕКТИВ: НОВЫЙ УРОВЕНЬ

ВСЕ СОВПАДЕНИЯ СЛУЧАЙНЫ

РЕНИ НАЙТ

Рени Найт
Все совпадения случайны
Серия «Психологический триллер»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17831149
Все совпадения случайны : [роман] / Рени Найт: Издательство АСТ; Москва; 2016
ISBN 978-5-17-087552-8

Аннотация

После переезда в новый дом Кэтрин Равенскрофт находит в спальне необычную книгу. Как она могла туда попасть? Ни сама Кэтрин, ни ее муж Роберт книгу не покупали. Начав читать, Кэтрин понимает, что главная героиня – это она сама, а трагические события, описываемые в романе, – темная тайна, которую знал только один человек, но он давно мертв.

Прошлое вновь начинает преследовать Кэтрин, превращая ее жизнь в кошмар. И чтобы избавиться от него, ей придется заплатить слишком высокую цену...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	14
Глава 6	16
Глава 7	18
Глава 8	22
Глава 9	24
Глава 10	27
Глава 11	29
Глава 12	32
Глава 13	37
Глава 14	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Рени Найт

Все совпадения случайны

© Renée Knight, 2015

© Перевод. Н.А. Анастасьев, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

* * *

Грегу, Джорджу, Бетти и моей матери Джоселин

Глава 1

2013, весна

Кэтрин пыталась взять себя в руки, но ничего не выходило. Она впиалась пальцами в холодную раковину и посмотрела в зеркало. Лицо, которое она видела в отражении, было совсем другим, когда она ложилась в постель. Нечто подобное с ней уже случалось, и она надеялась, что это не повторится. Она изучала себя в этом новом резком освещении. Влажным платком вытерла рот и прижала его к глазам, словно это облегчило бы застывшую в них боль.

– С тобой все в порядке? – Голос мужа заставил ее вздрогнуть. Она надеялась, что он не проснется. Оставит ее в покое.

– Сейчас уже лучше, – солгала Кэтрин, выключая свет, а потом сказала еще одну ложь: – Наверное, из ресторана принесли несвежую еду. – Она повернулась к нему. – Спи. У меня все хорошо, – прошептала она.

Он и так скорее спал, нежели бодрствовал, тем не менее потянулся к ней и положил ладонь ей на плечо.

– Точно?

– Точно, – ответила она. Что действительно точно, так это то, что ей нужно остаться одной. – Правда, Роберт, спи. Я сейчас.

Его пальцы задержались на секунду на ее плече, потом он повиновался. Она выждала, убедившись, что муж заснул, и вышла из спальни.

Кэтрин смотрела на нее, перевернутую и открытую на том месте, где она остановилась. Книгу, которой она сначала поверила. Первые несколько глав погрузили ее в состояние некоего упоения, породили то неясное чувство, с каким воспринимаешь один лишь намек на будущее волнение, нечто такое, что заставляет переворачивать страницу за страницей, даже никак не представляя себе того, что именно ждет впереди. Книга заманивала ее, завлекала все дальше и дальше, пока, наконец, не стало ясно, что она попала в ловушку. Слова отскакивали от головы и ударялись одно за другим в грудь. Словно бы перед поездом возникла вдруг толпа людей, и она – беспомощный машинист – бессильна предотвратить катастрофу. На тормоза жать поздно. Назад дороги нет. Погруженная в книгу, Кэтрин, сама того не желая, перешагнула через самое себя.

«Любое сходство с реальными людьми, живыми или мертвыми...» Предупреждение перечеркнуто тонкой красной чертой. Открывая книгу, она ее не заметила. Между тем сходство бесспорно. Она – главная героиня, ключевой игрок. Имена, верно, изменены, но в деталях обмануться невозможно, вплоть до того, что на ней было надето тем днем. Отрезок жизни, который она прятала от всех. Секрет, которым ни с кем не делилась, даже с мужем и сыном – им казалось, что они знали ее, как никто другой. Ни единая живая душа не могла бы вообразить, что Кэтрин только что прочитала. И тем не менее это напечатано – и выставлено на всеобщий суд. Она думала, что все похоронено. Со всем этим покончено. И вот все снова всплывает на поверхность. В ее собственной спальне. В ее голове.

Она попыталась вытеснить это мыслями о вчерашнем вечере, когда еще не успела открыть книгу. Радость от новоселья; вино, ужин; диван, на котором так уютно лежать; полудрема перед телевизором, а потом они с Робертом пошли в постель и растворились друг в друге. Тихое счастье, которое она всегда считала чем-то само собой разумеющимся, но слишком тихое, чтобы принести ей успокоение. Она не могла заснуть, вылезла из постели и спустилась вниз.

Тут был первый этаж, можно и так сказать. Уже не дом – домик. Из дома они съехали три недели назад. Вместо прежних четырех спален – теперь две. Так для них с Робертом

лучше. Одна – семейная. Другая – для гостей. И еще они остановились на открытой планировке. Никаких дверей. Теперь, когда Николас уехал, закрываться нет нужды. Она включила свет в кухне, взяла из буфета бокал, наполнила его. Крана нет. В холодильник встроена автоматическая система пуска холодной воды. Вообще, он больше похож на гардероб, чем на холодильник. От страха у нее вспотели ладони. Ей было жарко, ее лихорадило, и она с наслаждением ощущала прохладу только что постеленного известнякового пола. Вода немного помогала. Делая глоток, она перевела взгляд на большие окна, занимавшие всю заднюю стену этого нового, чужого дома. На улице – полная тьма. Ничего не видно. Занавески она еще не повесила. Она открыта. Любому. Ее могли увидеть все, а она – никого.

Глава 2

Двумя годами ранее

Я жалел о случившемся, правда, жалел. В конце концов, это был всего лишь ребенок семи лет. А я – опекун, так сказать, *in loco parentis*, хотя мне было прекрасно известно, что никому из родителей не хотелось видеть меня в этом качестве. К тому времени я уже опустился едва ли не на самое дно: Стивен Бригсток, самый противный из всех учителей школы. Ну да, мне казалось, что так думают дети, да и родители тоже, хотя и не все: я надеялся, что некоторые из них помнили меня по прежним временам, когда я учил их старших детей. Так или иначе, я совершенно не удивился, когда Джастин пригласил меня к себе в кабинет. Я давно ждал этого, и вызов последовал даже позже, чем я думал. Но ведь это частная школа. Маленькое ленное владение. Родители полагали, что пока они платят, то всем тут и командуют, но это, конечно, не так. Взять хоть меня самого – приняли на работу, даже не поговорив толком. Когда-то мы с Джастином вместе учились в Кембридже, и он знал, что я нуждался в деньгах, а я знал, что ему нужен был хороший учитель английского. Видите ли, в частных школах платят больше, чем в государственных, а у меня был многолетний опыт преподавания в общеобразовательной государственной школе. Бедняга Джастин, ему, наверное, было трудно перемещать меня. Неловко как-то, понимаете ли. И это действительно был скорее перевод, нежели увольнение. Великодушно с его стороны. Ценю. Я не мог себе позволить потерять право на пенсию, а поскольку так или иначе вплотную приблизился к пенсионному возрасту, то он просто ускорил процесс. Вообще-то нам обоим было пора на покой, но его положение решительно отличалось от моего. Я слышал даже, что кое-кто из его учеников плакал при мысли о расставании с ним. По мне-то никто не заплачет. Да и с чего бы? Я таких слез не заслужил.

Не хочу, чтобы у вас сложилось ложное впечатление: никакой я не педофил. Я не заигрывал с этим ребенком. Я даже не прикоснулся к нему. Нет-нет, я никогда, никогда не прикасался к детям. Дело в том, что я считал их ужасно скучными. Полагаете, это дурно – так отзываться о семилетках? Думаю, да, если вы учитель. Но я уже пресытился чтением их нудных сочинений, над которыми они, не сомневаюсь, потели. И все равно: откуда эта уверенность, что в семь лет, напрягая голос, они в состоянии сказать то, что будет мне интересно? И вот однажды я не выдержал. Катарсис в виде красного карандаша иссяк, и, дойдя до сочинения именно этого паренька, не помню уж его имени, я выдал ему весьма развернутый отзыв, из которого следовало, что мне нет совершенно никакого дела до того, как он с семьей провел каникулы на юге Индии, где они снимали дом у местных жителей. Ну да, я был потрясен тем, как замечательно они провели время. Конечно, паренек расстроился. И, конечно, мне было его жалко. И, конечно, он обо всем рассказал родителям. И вот об этом я ничуть не жалел. Это ускорило мой уход, а уйти я, несомненно, был должен – и ради себя, и ради всех остальных.

И вот я дома, и у меня полно свободного времени. Учитель английского второразрядной частной школы на пенсии. Вдовец. Опасаюсь, что я слишком откровенен – сказанное вроде как несколько принижает меня. Я могу показаться слишком жестоким. И действительно, по отношению к этому мальчику я оказался жесток, признаю это. Но в целом я совсем не жестокий человек. Другое дело, что после смерти Нэнси я позволял себе немного распускаться. Ну хорошо, не немного – прилично.

Сейчас в это трудно поверить, но, бывало, меня выбирали Самым Популярным Учителем года. Выбирали ученики не частной школы, а государственной – той, где я преподавал раньше. И это был, повторяю, не единственный случай – несколько лет подряд. Однажды

это случилось, если не ошибаюсь, в 1982-м, когда той же чести удостоилась в своей школе и моя жена Нэнси.

Преподаванием я занялся вслед за Нэнси. А она последовала за нашим сыном, которого мы отдали в младшую группу частной школы. Она учила там пяти – и шестилетних детей, а я четырнадцати – и пятнадцатилетних в государственной. Я знаю, что иные учителя считают эту возрастную группу трудной, но мне нравилось. Отрочество – непростой возраст, и я считал, что не нужно слишком уж давить на этих сорванцов. Я никогда не заставлял их читать ту или иную книгу против воли. В конце концов, сюжет – это просто сюжет. Его необязательно вычитывать из книги. Есть фильмы, телепередачи, пьесы – смотри, слушай, анализируй, думай, получай удовольствие. В ту пору я был увлечен своим делом. Мне было не все равно. Но это было тогда. А сейчас я больше не учитель. Я на пенсии. И я вдовец.

Глава 3

2013, весна

Кэтрин спотыкалась, кляня высокие каблуки, но про себя признавала, что слишком много выпила. Роберт протянул руку и успел схватить ее за локоть, не дав упасть на бетонные ступени. Другой рукой он повернул ключ в замке, открыл парадную дверь и, не ослабляя хватки, завел ее внутрь. Она сбросила туфли и, направляясь на кухню, попыталась придать походке хоть какое-то достоинство.

– Я так горжусь тобой, – сказал он, делая шаг вперед, обнял ее и поцеловал ее в шею. Кэтрин откинула голову назад.

– Спасибо, – поблагодарила она и закрыла глаза. Но тут же миг наслаждения рассеялся. На дворе ночь. Они дома. Но лечь ей не хотелось, хотя она смертельно устала. Она знала, что не заснет. Уже целую неделю толком не спала. Роберту это не известно. Она делала вид, что все нормально, ей удавалось его обмануть, прикидываясь, будто она спит рядом, когда остается наедине со своими мыслями. Сейчас ей придется найти предлог, чтобы объяснить, почему она не идет с ним в спальню. – Ложись, я скоро приду, только почту проверю. – И она поощрительно улыбнулась, но Роберту многого и не нужно. Завтра ему рано вставать, отчего Кэтрин еще более было приятно то удовольствие, которое, как ей казалось, Роберт получил от вечера, где центром всеобщего внимания была она, а он оставался лишь молчаливым улыбающимся спутником. Ни разу он даже не намекнул, что пора уходить. Нет, он позволял ей блистать и наслаждаться моментом. Конечно, она тоже не раз выступала в той же роли по отношению к нему, но тем не менее свою он сыграл достойно.

– Я принесу тебе воды, – сказал Роберт.

Они только что вернулись с приема после вручения телевизионных премий. Это была серьезная передача, не какое-то там мыло. И не художественный сериал. Одни только факты. Кэтрин получила премию за документальный фильм о подготовке детей к половой жизни. Детей, которых можно было уберечь, но не уберегли, ибо никто всерьез о них не позаботился; никто не взял на себя труда присмотреть за ними. Члены жюри называли ее фильм смелым. И ее саму называли смелой. Только они и понятия ни о чем не имели. Не имели понятия о том, какая она на самом деле. Никакая это не смелость. Скорее целеустремленность, решимость. Впрочем, и смелость тоже. Скрытая съемка. Мужчины – похотливые хищники. Но не стоило думать об этом сейчас. Не сейчас, когда она дома. Даже за новыми шторами она опасалась, что за ней наблюдали.

Вечера превратились в подобие ниши, в которой можно было отвлечься от навязчивых мыслей о том неизбежном моменте, когда ей придется забраться под одеяло и лежать в темноте без сна. Роберта ей обмануть удалось. Даже пот, который выступал на лбу, когда подходило время идти в спальню, она со смехом объясняла начавшейся менопаузой. Конечно, были и иные признаки, но пот здесь ни при чем. Она отправила его спать и пожалела, что он не остался рядом. Жаль, что не набралась храбрости все ему рассказать. Не получилось. А теперь слишком поздно. Все случилось двадцать лет назад. И если завести разговор об этом сейчас, он ничего не поймет. Он будет потрясен тем, что все это время она ничего ему не говорила. Держала в тайне нечто такое, что он имел право знать. «О Господи, но это же *наш* сын», – услышала она его голос.

Ей не нужна была эта гребаная книга, чтобы напомнить о случившемся. Она и так ничего не забыла. Ее сын едва выжил. Все эти годы она, как могла, оберегала Николаса. Оберегала от знания того, что случилось на самом деле. Она позволила ему жить в блаженном неведении. Он не знал, что едва не умер на пороге зрелости. А что было бы, если бы у него сохранились какие-либо воспоминания о случившемся? Что бы это изменило? Был бы ли он

другим? Стали бы другими их взаимоотношения? Но она была совершенно уверена, что он ничего не помнил. По крайней мере ничего из того, что могло бы приблизить его к действительности. В представлении Николаса это был обычный день, сливающийся с множеством других дней его детства. Быть может, подумалось ей, он даже казался ему счастливым.

Будь там Роберт, все могло бы повернуться иначе. Точно повернулось бы иначе. Просто ничего бы не случилось. Но Роберта там не было. Вот она ничего ему и не сказала, потому что в этом не было нужды – он ничего не узнает. Так было к лучшему тогда. Так к лучшему и сейчас.

Она включила ноутбук и набрала имя автора. Это превратилось почти в ритуал. Она повторяла эту операцию вновь и вновь, в надежде найти хоть что-то. Ключ. Но ничего не находилось. Одно только имя: Э. Дж. Престон. Не исключено, имя вымышленное. «Идеальный незнакомец» – первое и, возможно, последнее произведение автора. Даже на пол указания нет. *Его* или *ее* первое произведение? В выходных данных значилось: Рамнузия. Когда она стала разбираться, выяснилось то, что пришло ей в голову с самого начала: книга выпущена самим автором. Раньше она не знала, что это такое – «Рамнузия». Теперь знает. Богиня отмщения. Немезида.

Вот это и есть ключ, не так ли? Хотя бы гендерный. Но нет, это невозможно. Просто невозможно. И такие подробности никто знать не мог. В живых никого не осталось. Кроме, разумеется, тех, других – безымянных других. Но это-то написано кем-то, кому не все равно. Для кого это дело личное. Она поискала в Интернете, появились ли отклики на книгу. Ничего. Быть может, она вообще единственная, кто ее прочитал. А если и есть другие, то они никогда не узнают, о ком она написана. Но ведь кто-то знает. Кто-то знает...

Как эта гребаная книга попала к ней в дом? Она не помнила, чтобы покупала ее. Просто появилась в стопке книг рядом с ее кроватью. Но ведь когда переезжаешь на новое место, всегда возникает беспорядок. Множество коробок с книгами все еще ждут, когда их распакуют. Может, она сама ее здесь бросила. Вынула из коробки, привлеченная обложкой, и бросила. А может, это книга Роберта. У него множество книг, к которым она даже не прикасалась и вряд ли бы узнала. Старых книг. Она так и видела его листавшим каталоги электронного книжного магазина. Какое-то название или переплет остановило его внимание, и он заказал очередную книгу.

Но в конце концов она пришла к убеждению, что книгу оставил здесь кто-то другой. Кто-то приходил сюда, в это место, не успевшее еще стать их новым домом. Заходил в спальню. Кто-то, кого она не знала, положил книгу на полку рядом с кроватью. Аккуратно. Ничего не переставляя. С ее стороны кровати. Зная, где она спала. Сделав так, что могло показаться, будто это она сама ее туда положила. Мысли у нее путались, сталкивались одна с другой, перемешивались. Вино и тревога – гремучая смесь. Следовало бы знать, что нельзя самой себе подмешивать яд. Она обхватила ладонями раскаляющуюся от боли голову. Все эти дни голова не переставала болеть. Она закрыла глаза и увидела полыхающий белый солнечный блик на обложке. Как эта гребаная книга попала к ней в дом?

Глава 4

Двумя годами ранее

Семь лет прошло после смерти Нэнси, а я все еще никак не разобрался с ее вещами. Одежда висела в гардеробе. Там же туфли, сумки. У нее был очень маленький размер ноги. Третий. Бумаги, письма – все это еще лежало на столе и в ящиках. Мне нравилось листать их. Нравилось отбирать письма, адресованные ей, даже если это были уведомления газовой компании. Нравилось перечитывать ее имя и наш общий адрес на официальных бланках. Но после выхода на пенсию у меня уже не осталось предлога откладывать. Давай, Стивен, сказала бы она, пора кончать с этим. И я принялся за дело.

Начал я с одежды, снимая ее с вешалок, извлекая из ящиков, раскладывая на кровати, словом, готовя к расставанию с домом. Ну вот и все, подумал я и в тот же момент увидел шерстяную кофту, соскользнувшую с вешалки и затерявшуюся в углу гардероба. Кофта была цвета вереска. Да нет, скорее пестрая. Голубые нитки, розовые, алые, серые, но в целом все же напоминала цвет вереска. Мы купили ее в Шотландии, еще до женитьбы. Нэнси использовала ее как шаль – не просовывала руки в рукава, которые свободно свисали по обе стороны. Я решил не выбрасывать ее и сейчас держал в руках. Кофта кашемировая. Моль поработала над ней, и на манжете образовалась дырочка, через которую можно просунуть палец. Нэнси носила кофту почти пятьдесят лет. Она пережила ее и, подозреваю, переживет меня. Если я буду и дальше усыхать, а это неизбежно, то скоро она станет мне впору.

Помню, как Нэнси надевала ее посреди ночи, когда вставала кормить Джонатана. Он, принякая к соску своим крохотным ротиком, стягивал с нее комбинацию, а кофта оставалась накинутой на плечи и не давала замерзнуть. Если Нэнси замечала, что я наблюдал за ней с кровати, она улыбалась, а я вставал и готовил нам обоим чай. Она всегда старалась не разбудить меня, говорила: «Спи», говорила: «Я сама справлюсь». Она была счастлива. Мы оба были счастливы. Ребенок, появившийся, когда родители достигли среднего возраста и оставили всякую надежду на потомство, – это всегда внезапная радость. Мы никогда не пререкались, кому вставать и кто кому не дает спать. Не хочу утверждать, будто все труды делились пополам. Я бы и рад, но, по правде говоря, Нэнси нужна была Джонатану гораздо больше, чем я.

Кофта стала любимым одеянием Нэнси еще до начала этих полночных пиршеств. Она надевала ее, когда садилась писать: поверх летнего халата, поверх блузы, поверх вечернего платья. Сидя за письменным столом, я, бывало, поглядывал на нее: пальцы бегали по клавиатуре пишущей машинки, и по бокам свободно колыхались рукава. Да, до того как стать учителями, мы с Нэнси занимались сочинительством. Нэнси оставила это занятие вскоре после рождения Джонатана. Она говорила, что утратила вкус к писанию, а когда Джонатан пошел в младшие классы, решила найти себе работу в школе. Впрочем, я повторяюсь.

Ни Нэнси, ни я на писательской ниве особых успехов не достигли, хотя оба опубликовали по несколько рассказов. Если подумать, следует признать, что Нэнси преуспела больше моего, но именно она, отложив перо в сторону, настояла, чтобы я продолжал писать. Она верила в меня. Она не сомневалась, что в один прекрасный день это произойдет – я заявлю о себе во весь голос. Что ж, может, она была права. Во всяком случае, меня всегда вдохновляла именно уверенность Нэнси. И все же писала она лучше меня, и я всегда это учитывал. Все эти годы, пусть даже сама Нэнси этого не признавала, когда я писал слово за словом, главу за главой и написал-таки одну или две книги, она меня поддерживала. Все было отвергнуто издателями. И, слава Богу, в какой-то момент она наконец поняла, что я просто не хочу больше писать. С меня довольно. Я почувствовал, что занимаюсь не своим делом. Мне с трудом удалось заставить ее поверить, что, бросив писать, я испытаю облегчение. Но это

действительно было так. Мне стало легче. Видите ли, мне всегда больше нравилось читать, чем писать. Чтобы стать писателем, хорошим писателем, необходимо мужество. Надо быть готовым к тому, чтобы открыться людям. Надо быть храбрым, а я всегда был трусом. Храброй была Нэнси. Вот тогда-то я и стал преподавать.

Но и для того чтобы заняться вещами жены, тоже следовало набраться мужества. Я сложил ее платья и рассовал их по саквояжам. Туфли и дамские сумочки я разложил по коробкам из-под винных бутылок. Когда их доставляли в дом, я и вообразить себе не мог, что в эти коробки когда-нибудь попадут вещи моей покойной жены. Мне понадобилась целая неделя, чтобы собрать их, и еще больше, чтобы вывезти из дома.

Слишком тяжело было избавиться от них сразу, поэтому я стал ездить в благотворительную лавку «Принимаем все». Близко познакомился с двумя дамами, которые там работали. Сказал им, что это вещи моей покойной жены, и теперь при моем появлении они всегда отрывались от дела и занимались мной. Если случалось подъехать, когда они пили кофе, то и мне наливали чашку. Странно, но при мысли о том, что здесь скопились вещи покойников, почему-то становилось легче на душе.

Я боялся, что, разобравшись с вещами Нэнси, снова впаду в прострацию, в какой пребывал после выхода на пенсию, но этого не случилось. Как бы грустно мне ни было, я знал, что сделал то, что Нэнси одобрила бы, и принял решение: отныне я изо всех сил буду стараться вести себя так, чтобы Нэнси, войди она в эту комнату, испытала бы не стыд, а прилив любви ко мне. Она станет невидимым редактором, искренне отстаивающим мои интересы.

Однажды утром, вскоре после завершения уборочной кампании в доме, я направлялся к метро. В тот день я встал в рабочем настроении: умылся, побрился, позавтракал и к девяти был готов выйти из дома. Испытывая подъем сил, я собирался целый день провести в Национальной библиотеке. Уже давно я подумывал о том, чтобы вернуться к писанию. Не художественной прозы – чего-то более серьезного, основанного на фактах. В свое время мы с Нэнси иногда проводили каникулы на восточном побережье Англии и вот как-то летом сняли башню под названием Мартелло. Мне всегда хотелось побольше разузнать об этом месте, но все, что удавалось отыскать, было слишком пресно и безжизненно. Нэнси тоже занималась поисками – из года в год, желая сделать мне подарок ко дню рождения, – но ей попадались лишь пухлые тома, набитые датами и иной статистикой. Тем не менее я остановился именно на этой теме. Я оживлю это великолепное место. Столетиями эти стены впитывали в себя дыхание поколений и поколений людей, и я был преисполнен решимости выяснить, кто здесь жил с тех давних пор и поныне. Словом, в то утро я бодро шагал по улице. И вдруг увидел перед собой призрак.

Увидел ее не то чтобы слишком ясно. Между нами были люди. Какая-то женщина толкала перед собой коляску с ребенком. Разболтанной походкой шли два молодых человека. Курили. Я знал, что это она. Я узнал бы ее где угодно. Она шла быстро, сосредоточенно, я пытался не отставать, но она была моложе, и ноги у нее были сильнее. У меня бешено заколотилось сердце, пришлось на миг остановиться. Расстояние между нами увеличилось, и, когда я почувствовал, что снова способен передвигаться, она исчезла в подземном переходе. Я последовал за ней и неловко протиснулся через турникет, боясь, что она сядет в вагон и тогда мне ее не найти. Ступени были крутые, очень крутые, – догоняя ее, недолго было и упасть. Кляня собственную слабость, я ухватился за перила. Вот и она. Я с улыбкой направился к ней. Мне показалось, что она ждет меня. И она действительно обернулась и посмотрела мне прямо в лицо. Ответной улыбки я не дождался. Она выглядела встревоженной, быть может, даже испуганной. Разумеется, это был никакой не призрак. Это была молодая, лет, пожалуй, тридцати женщина. На ней был плащ Нэнси – тот самый, что я отнес в благотворительную лавку. И волосы у нее были того же самого цвета, что и у Нэнси в этом возрасте. Или по крайней мере мне так показалось сначала.

Но когда я приблизился, выяснилось, что это совсем не так. Верно, волосы были коричневые, но крашенные, приглаженные, скорее мертвенно-бурые. Не было в них переливающихся живых оттенков, которыми отличались волосы Нэнси. Заметив, что моя улыбка встревожила ее, я отвернулся в надежде, что она поймет: ничего дурного у меня на уме нет, я просто обознался. Когда подошел поезд, я не стал садиться, дождался следующего – не хотелось, чтобы она решила, будто я преследую ее.

Долго еще в то утро я не мог сосредоточиться. Тишина библиотечного зала, красота интерьера, чтение, заметки, которые я делал в блокноте, вернули меня к тому месту, где начался этот мой день. Вернувшись домой, когда начало смеркаться, я уже вполне взял себя в руки. Поужинал легко, закуски, что продают в «Маркс энд Спенсер», показались мне настоящим лакомством. Открыл бутылку вина, но выпил только один бокал. Теперь я пил немного – надо держать мысли в узде. А то еще, если злоупотреблять алкоголем, пойдут куда-нибудь не туда, как малыш, за которым никто не присматривает.

Мне не терпелось перед сном просмотреть свои заметки, и я направился к письменному столу. Он был все еще завален бумагами Нэнси. Я принялся копаться в рекламных проспектах и старых счетах, заведомо зная, что ничего важного я тут не найду. Иначе давно бы уже почувствовал. Я смахнул всю кипу в мусорную корзину, снял с буфета пишущую машинку и водрузил ее в центр свободного теперь от бумаг стола – завтра с утра можно начинать работать.

Когда Нэнси еще занималась писательством, у нее был собственный рабочий стол – небольшой такой дубовый столик, находящийся теперь в квартире Джонатана. Когда же она бросила это занятие, мы решили, что нам вполне хватит одного стола. Ящики в тумбе справа принадлежали ей, слева – мне. Рукописи она держала в нижнем ящике – те, на которые возлагала наибольшие надежды; остальные теснились в книжном шкафу. Хотя я знал, что все на месте, открыв ящик, все же почувствовал комок в горле. «Вид на море», «На исходе зимы», «Необычный друг» – все неопубликованное. Я выбрал «Необычного друга» и взял его с собой в постель.

Лет сорок, наверное, прошло, как я не открывал этой рукописи. Она написала роман летом, за год до рождения Джонатана. Ощущение возникло такое, словно Нэнси лежала рядом со мной в постели. Мне ясно слышался ее голос – молодой Нэнси, еще не матери. В нем чувствовались энергия, бесстрашие, он возвращал меня в те времена, когда нас манило будущее; когда еще не свершившееся скорее возбуждало, нежели пугало. В ту ночь, засыпая, я чувствовал себя счастливым, признательный за то, что, хоть ее и нет больше рядом, мне выпала удача прожить с Нэнси целую жизнь. Мы открыли себя друг другу. Мы делили с ней все на свете. По-моему, мы знали друг о друге все, что надо знать.

Глава 5

2013, весна

– Подожди, я с тобой, – окликнула его Кэтрин с верхней площадки лестницы.

Роберт остановился около входной двери и оглянулся на нее.

– Извини, родная, я что, разбудил тебя?

Она знала, что он изо всех сил старался не сделать этого – быстро принял душ, одеваясь, ходил на цыпочках. Но все это время Кэтрин бодрствовала. Лежала с полужакрытыми глазами. Смотрела на него, мысленно благодаря за заботу. Она выжидала, сколько могла. А как только он вышел из комнаты, вскочила с кровати, оделась и поспешила вниз, за ним. Пока она не могла оставаться одна. Потом – может быть, но пока нет.

Кэтрин села на нижнюю ступеньку и засунула ноги в спортивные туфли.

– У меня голова раскалывается. Самое лучшее сейчас – подышать свежим воздухом, – сказала она, шнуруя туфли дрожащими пальцами. Она слышала себя, свой голос, звучащий так обыденно, так правдоподобно. А дрожащие пальцы – это, может, с похмелья. Она на неделю ушла с работы, чтобы распаковать вещи и расставить их по местам – превратить новое помещение в новый дом, – но этим утром ей ничто не по силам. К тому же это правда, у нее голова разламывалась от боли. Хотя это никак не связано со вчерашним празднеством.

Она увидела, что Роберт смотрит на часы. Ему надо рано быть на месте.

– Я быстро. Сию минуту, – заверила она и убежала на кухню, наполнила водой бутылку, схватила мобильный и вернулась. Они захлопнули дверь, заперли ее на двойной замок и вместе направились в сторону метро. Она взяла его за руку, он посмотрел на нее и улыбнулся.

– Славно вчера повеселились, – заметил он. – Много поздравлений по электронной почте получила?

– Пришло несколько, – откликнулась она, хотя на самом деле почту не проверяла. Это последнее, что ее сейчас занимало. Потом посмотрит, когда вернется домой, когда в голове прояснится. Он чмокнул ее в щеку, сказал, что скорее всего не задержится, выразил надежду на то, что голова у нее пройдет, и скрылся под землей. Как только он исчез из виду, она повернулась, вставила в уши наушники и побежала по дороге. Обратным путем, к единственному в округе зеленому месту. Ноги ее отталкивались от земли в такт музыке.

Она миновала площадку наверху дороги и продолжила бежать. Сердце колотилось, струйки пота сбегали по спине. Она не в форме. Лучше было не бежать, а идти быстрым шагом, но ей нужно было превозмочь себя. Она достигла высоких железных кладбищенских ворот и вбежала внутрь. Сделала один круг и остановилась, тяжело дыша, наклонилась, положив руки на колени. Надо бы размяться, но она слишком устала. Она ведь не спортсменка, а просто женщина, вышедшая из дома на пробежку.

Не стой на месте, не стой на месте. Кэтрин распрямилась и снова побежала – легкой трусцой, не напрягаясь, собираясь с мыслями. Добежав до середины, она перешла на шаг, быстрый шаг, надеясь, что сердце выдержит, по-прежнему будет гнать кровь по венам. Она читала имена на надгробиях: Глэдис, Альберт, Элеонор – имена давно умерших людей. Ее взгляд выискивал детей. У их могил она останавливалась и внимательно читала надписи. Начала и концы коротких жизней. Разве не все так делают? Не все останавливаются перед могилами детей, навеки упокоенных в своих кроватках из зеленой травы? Места они занимают меньше, чем их взрослые соседи, но их присутствия нельзя не заметить, они вызывают, чтобы на них посмотрели. Пожалуйста, остановитесь хоть на миг! И она останавливалась. И в ее воображении возникло надгробие, которое могло бы быть здесь.

Николас Равенкрофт

*Родился 14 января 1988 года, отнят у нас 14 августа 1993-го.
Возлюбленный сын Роберта и Кэтрин*

И она представила себе, как говорит Роберту, что Николас умер. И слышит его вопросы: «А ты где была? Как это могло случиться? Как это вообще возможно?» И она не выдерживает, выплескивая на него все, и его придавливает эта тяжесть. Она видит, как он сопротивляется, рвется на поверхность ревущего потока, старается поднять голову, хватая ртом воздух, а его не хватает, чтобы вздохнуть полной грудью.

Но Николас не умер. Он жив, и ей не пришлось ничего говорить Роберту. Все они остались в целости и сохранности.

Глава 6

Двумя годами ранее

Наутро после чтения «Необычного друга» я проснулся посвежевшим. Мне не терпелось приняться за работу и для начала просмотреть сделанные вчера заметки, а уж потом перепечатать их. Я помнил, что в кухонном шкафу должна быть бумага: в конце концов, все находилось в кухонном шкафу или на нем. Мне казалось, что стопка бумаги покоилась под коробками с играми «Скрэббл» и «Бэкгеммон», но, когда я засунул туда руку, там ничего не оказалось. Пачка пристала к задней стенке шкафа. Вернее, была прижата какой-то панелью. Я нажал на нее, но панель не поддавалась. Между шкафом и стеной что-то застряло. Я сунул туда руку, и ладонь коснулась чего-то мягкого. Это оказалась старая сумочка Нэнси – хитрюга, избежавшая судьбы тех, что отправились в благотворительный магазин.

Опершись о стену, я присел, вытянул перед собой ноги и положил сумочку на колени. Она была из черной замши с двумя переплетенными жемчужными застежками. Я смахнул с нее пыль и заглянул внутрь. Там оказались связка ключей от квартиры Джонатана, губная помада и чистый носовой платок. Я отвернул крышку тюбика и понюхал помаду. Аромат она утратила, но сохранила стесанную сверху форму, напоминая о годах, когда касалась губ Нэнси. Я поднес платок к носу, и запах духов пробудил воспоминания о наших походах в театр. Но чего я не предполагал обнаружить, так это желтого пакета с фотографиями, сделанными на пленке «Кодак», о чем свидетельствовала крупная надпись на лицевой стороне. Это была ценная находка, и я решил ее отметить.

Я сварил себе немного кофе и уселся на диван, предвкушая поток счастливых воспоминаний. По моим предположениям, это были снимки, сделанные во время каникул. Мне кажется, у меня даже мелькнула надежда, что на некоторых была запечатлена башня Мартелло: получалось, что Нэнси, на свой манер, старалась помочь мне в работе над будущей книгой. В общем, так оно и получилось, хотя и не в том смысле, в каком показалось мне в то утро.

Голова, столь ясная при пробуждении, словно наполнилась некой массой, которую поместила туда посторонняя сила. Трудно сказать, какие мысли были моими, а какие чужими, что было реальностью, а что – фантазией. Кофе остыл. Фотографии были разложены у меня на коленях. Я надеялся увидеть что-то знакомое, но нет, эти снимки я видел впервые.

Она смотрела прямо в объектив. Кокетничала? Да, думаю так. Да, она кокетничала. Снимки были цветные. Некоторые сделаны на берегу. Выходной день, она лежит на песке в красном бикини – улыбающаяся прелестница. Груды выставлены вперед, как у красоток на обложках глянцевого журналов, и выглядела она в точности так, как если бы самой себе казалось весьма желанной женщиной. Другие фотографии были сделаны в номере гостиницы. Это уж было сплошное бесстыдство. И бесстыдница – она. Тем не менее я не мог оторваться. Все разглядывал и разглядывал снимки. Мучая себя, я тасовал их, как колоду, и чем пристальнее вглядывался, тем большая злость меня охватывала, потому что чем больше я вглядывался, тем лучше понимал.

Что меня ранило прямо в сердце, так это то, что я знал, кто все это снимал. Боль пришла, когда я понял, кто держал в руках фотоаппарат. Так и видел перед собой это красивое лицо, хотя на фотографиях его не было. Я всматривался и всматривался, но сколько ни переключал снимки, все, что сумел ухватить, – так это бледную тень на обрезе одного из снимков. Я даже по негативам прошелся, держа их на свету, – а ну как остался хоть один не проявленный? Негативов было больше, чем отпечатков, и я надеялся, что хоть на каком-нибудь увижу его, но все они были смазаны, фокус сбит, толку никакого.

Как Нэнси могла принести эти фотографии в наш дом? Как могла прятать их от меня, как она могла допустить, чтобы они хранились у нас, отравляя домашнюю атмосферу? А ведь они лежат здесь, должно быть, уже много лет. Забыла про них, что ли? Или сознательно шла на риск, понимая, что я могу случайно на них наткнуться? Но теперь уже слишком поздно. Когда наткнулся, ее уже не было на этом свете. И мне никогда не поговорить с ней об этом. Она должна была уничтожить их. Если не хотела говорить, должна была уничтожить. А вместо этого оставила – чтобы я уже беспомощным стариком нашел их через много лет после того, как все случилось, через много лет после того, как я мог хоть что-нибудь сделать.

Едва ли не больше всего в Нэнси я ценил честность. Интересно, часто ли она просматривала эти снимки наедине с собой – и снова прятала их? Я представлял себе, как она ждет, пока я уйду из дома, чтобы разложить их; как прячет при моем возвращении. Всякий раз, как я достаю что-то из кухонного шкафа, например, «Скрэббл», знает, что они там, и не говорит ни слова. Я всегда доверял ей, но теперь задумался, что там еще может быть спрятано.

Удивительно, как много сил добавляет злость. Я перевернул вверх дном чуть не весь дом в поисках новых секретов. Я набрасывался на дом, как на врага. Я переходил из комнаты в комнату, сметая все на своем пути, раздирая на куски, перетряхивая, создавая вселенский хаос, но так больше ничего и не обнаружил. Под конец у меня возникло ощущение, будто я спустился в колодец и прошелся по коллектору, пытаясь очистить его. Только ухватиться было не за что. Разве что возникло ощущение липкой грязи; она проникла мне под кожу и ногти на руках, вонь забила ноздри, заползла в волосы, просочилась в кровеносные сосуды, отравляя весь организм.

Глава 7

2013, весна

На подушку опустились пылинки. Никто бы этого не заметил и не услышал. Но Кэтрин слышала. Она слышала все – ее слух напряжен. И видела тоже все. Даже в крошечной тьме. Ее глаза к ней привыкли. Если Роберт сейчас проснется, то будет как слепой, а Кэтрин – нет. Она смотрела на его закрытые глаза – подергивающиеся веки, трепещущие ресницы – и думала, что за ними может скрываться. Он что-нибудь от нее утаивал? Может, у него это получалось не хуже, чем у нее? Ближе Роберта у нее никого не было, но ведь удалось ей все эти годы держать его в неведении. И неважно, насколько они близки, он просто ни о чем не догадывался, и это ее пугало. Храня тайну так много лет, она довела дело до того, что теперь уж поздно раскрывать ее, она стала слишком велика. Это как ребенок: когда все сроки выйдут и он становится слишком большим, чтобы появиться на свет естественным образом, приходится извлекать его при помощи хирургии. Процесс сохранения тайны стал едва ли не важнее самой тайны.

Роберт лег на спину и начал храпеть. Кэтрин мягко перевернула его на бок, спиной к себе. Стараясь не разбудить его – нельзя позволить себе риск разговора среди ночи, – она придвинулась к нему, чтобы вдохнуть его запах.

Она вспомнила один момент двадцатилетней давности, когда он обнял ее и спросил: «Ты как, у тебя все в порядке?» У нее было совсем не все в порядке, но не хотелось, чтобы он это заметил, потому что говорить правду она не хотела, а притворяться тогда так же хорошо, как сейчас, не умела. Вот она и ответила: «Да нет, вообще-то не совсем» – и, чувствуя, как под веками набухают слезы, все же сдержалась, потому что знала: стоит пролиться хоть слезинке, как за ней последует поток слов. Стоит расплакаться, и ей уж ничего не удастся скрыть, все выйдет наружу. Вот она и не расплакалась, просто кое-что сказала, и сказанное было неправдой.

– Я хочу вернуться на работу. Хотя говорить это тяжело. Я знаю, мне следует благодарить судьбу за то, что я могу оставаться дома, ты зарабатываешь достаточно для нас обоих, но... мне так одиноко. Так тоскливо...

Это были первые метры тоннеля, которым она убегала от самой себя – и от Николаса. Сын служил постоянным напоминанием, хотя Роберту она сказать этого не могла. Не могла сказать, что, оставаясь наедине с Николасом, буквально с ума сходила; что его присутствие пробуждало воспоминания, от которых она хотела бы избавиться.

– Ты меня понимаешь? – спросила она и вспоминала, как поглядела тогда Роберту прямо в глаза, гадая, способен ли он видеть ее насквозь.

– Конечно, понимаю, – ответил он, привлекая ее к себе и целуя. Но она чувствовала его разочарование. Он пытался скрыть его поцелуем, пытался не выказать сожаления, что, оказывается, она не может быть такой матерью их сыну, какой он хотел бы ее видеть. Прямо он этого так и не сказал, ничем не обнаружил своего разочарования, и все равно она чувствовала, что, невидимое, оно висит между ними.

Был момент, когда она едва не открыла ему правду. Но все же вновь солгала, сказав, что собирается провести конец недели со старой школьной подругой. С подругой этой он был едва знаком – она жила не в Лондоне, – так что вряд ли сумел бы поймать ее на лжи. Кэтрин сказала, что дело срочное – у подруги нервный срыв. В пятницу она собрала сумку и, поручив новой няне взять Николаса из школы, уехала прямо с работы, до того как Роберт вернулся домой. Она взяла такси, в метро спускаться не стала, чтобы не встретить кого-нибудь из знакомых.

Когда она вернулась в воскресенье вечером, Николас уже был в постели. Роберт заметил, что она выглядит бледной, она ответила, что уик-энд выдался довольно тяжелый и она едва держится на ногах. Все это было правдой.

– Просто мне надо лечь пораньше, вот и все, – заверила она и тут же сменила тему – спросила насчет новой няни.

– Да вроде все в порядке, – ответил он. – Ник, когда я вернулся в пятницу домой, был веселым.

– Вот и хорошо.

Наутро Кэтрин постаралась приободриться. Щеки ее порозовели, и все же пришлось, перед тем как отправиться на работу, собрать Ника в школу так, чтобы не осталось времени на разговоры и он не заметил, что мысли ее чем-то заняты. На работе тоже было полно дел, и это было хорошо, это именно то, что ей нужно. Быть слишком занятой для того, чтобы не оставалось времени предаваться воспоминаниям. И ей удалось-таки от них избавиться. А это главное. Это то, что позволяло жить. А теперь прошлое вернулось, грубо вернулось, сметая все остальное, и вот оно здесь и не дает от себя отвернуться.

Книга по-прежнему лежала на ночном столике. Она никак не могла от нее оторваться. При всякой попытке трусливо возвращалась, пересчитывала вновь и вновь одни и те же слова, застряв посредине. Она отодвинулась от Роберта и соскользнула с постели, взяла книгу и неслышными шагами, как вор, спустилась.

Швырнув ее на кухонный стол, Кэтрин повернулась спиной – жалкое подобие бунта. Сегодня воскресенье, выходной, но не для нее. Она заварила чай, взяла с собой стакан, пошла еще в не меблированную комнату и села на пол. Рядом – пять ждущих, пока их распакуют, коробок; на двух имя Николаса, на остальных надпись: «Гостевая». Что в них, она не помнила. Голова у нее из-за недосыпа кружилась, дрожащими руками она начала вынимать вещи, разрывая газетные обертки, вытаскивала одну за другой всякие, никому не нужные, вещицы. А надеялась найти хоть какой-то след – записку, конверт, да что угодно, связанное с книгой и способное помочь проследить ее путь в дом. Но – ничего. Она взялась за другую коробку. Книги. Она вынимала их, швыряла на пустые полки, даже не пытаясь поставить в ряд, позволяя наползать друг на друга, со стуком падать на пол.

Кэтрин перевела взгляд на коробки Николаса. Он должен был приехать еще неделю назад и разобрать их, но не приехал, и она собралась было сделать это сама, но Роберт остановил ее. Это не твои вещи, это вещи Ника. И Кэтрин очень огорчилась, ибо прекрасно понимала, что сам Николас никогда не сделает так, как нужно. К тому же у него больше не было своей комнаты. Вместо нее – гостевая. Николас может приходить сюда когда угодно. Конечно же, может. И если захочет остаться на ночь – тоже. В гостевой. Теперь у него своя квартира. Он сам за нее платит. И это хорошо. Ему двадцать пять лет. Жизнь у него складывается лучше, чем они даже смели надеяться. У него есть работа. Есть своя колея. Независимость. Именно этого для него Кэтрин и желала. Шанс добиться всего, на что он способен. От потока нахлынувших мыслей она стала задыхаться – так, словно каждую из них выговорила вслух.

– Ты здесь, милая? – Голос Роберта прозвучал мягко, но все равно заставил ее вздрогнуть. Она посмотрела на него из гнезда, образованного обрывками газет; от типографской краски пальцы почернели. Девять часов. Она уже четыре часа как бодрствовала. Роберт выглядел озабоченным. Вид у нее был ужасный. Когда тебе сорок девять, нельзя рассчитывать на то, что бессонная ночь пройдет бесследно. Разумеется, он видел и бледность, и круги под глазами.

– Я хотела немного разложить вещи к приходу Николаса. Пусть ему будет легче, – попыталась выкрутиться она, обводя взглядом царящий в комнате беспорядок.

– Время есть. Не к спеху. Пусть сам разбирается. – Он положил ладонь ей на плечо. – Яичницу?

Кэтрин кивнула. Ей ужасно хотелось есть. Теперь, когда она не спала, чувство голода сопровождало ее постоянно. Она пошла за ним вниз и тяжело опустилась на стул подле кухонного стола – безжизненное тело.

– Может, и обед приготовить?

Было воскресенье, они ждали в гости Николаса, и Кэтрин купила цыпленка.

– Нет, нет, я сама. – Она знала: в привычной роли хозяйки среди ароматов жареного мяса самочувствие будет лучше.

На дальнем конце стола Кэтрин увидела книгу. Она надеялась, что, если унести ее из спальни, можно хоть немного отвлечься. Роберт внимательно смотрел на нее, перебирая в уме вопросы: она чем-то расстроена? Переездом? Он уже собирался заговорить, но Кэтрин его опередила. Она обдумывала собственный вопрос, сосредотачивалась на нем, что и не заметила, как Роберт уже задержал дыхание и открыл рот. Иначе не отважилась бы спросить:

– Это твоя книга?

Она заранее озаботилась тем, чтобы набрать в рот побольше еды, так чтобы вопрос прозвучал как бы между делом. Следом за ней Роберт перевел взгляд на другой конец стола, потянулся за книгой, подвинул ее к себе. Ответил он не сразу, да и вместо ответа просто отрицательно покачал головой.

– Интересная? – Он взял книгу, перевернул, прочитал аннотацию на обложке.

– Да нет. Скучновато. – Она смотрела, как он снова перевернул книгу, на сей раз лицевой стороной, и прочитал заглавие.

– «Идеальный незнакомец». И о чем же это?

– Да чушь какая-то. – Она пожала плечами. – Сюжет слабый. Неправдоподобный.

Он отбросил книгу – небрежно, без всякой задней мысли. Как раз так, как ей хотелось.

– Тогда зачем же?..

– Я подумала, может, она твоя, – небрежно ответила она.

– Благодарю.

Она не заметила прозвучавшей в его голосе иронии.

– Просто не помню, чтобы я ее покупала, вот и подумала, как бы она могла попасть сюда... – Она умолкла, встала и отнесла тарелку в мойку. Роберт пожал плечами, рассеянно посмотрел на книгу, думая, с чего бы она могла ее так заинтересовать, и решил, что таким образом она отвлекается от того, что ее действительно беспокоит. Он был уверен, что она пыталась завязать разговор о чем-то, и это его смущало. Не такая они пара. Им нет нужды «завязывать разговор». Они близки друг другу – а сейчас ближе, чем все эти последние годы. Он уловил сигнал: слишком много дел по дому свалилось на Кэтрин; слишком много она копалась в себе; слишком много думала о своей жизни.

– Кэт, – начал он. – Ты отлично поработала, я уже чувствую себя на новом месте как дома. Но ведь я хорошо тебя знаю. Тебе не терпится вернуться на работу, так? – Она посмотрела на него. Он действительно так считает. – Мне нравится то, что ты вовсе не домашняя богиня. Тебе надо заняться новым фильмом, не торчать здесь, разбирая коробки и обставляя дом.

Глаза ее наполнились слезами, что убедило Роберта в собственной правоте. Он ее опора. Что ж, пусть верит в это.

– Ты прав. Мне и впрямь как-то не по себе...

Он не дал ей договорить:

– Ну так и возвращайся к своему делу, не нужен этот двухнедельный отпуск. К тому же большая часть этих двух недель прошла, а все, что не доделано, доделаем вместе – вечерами, в выходные. Да и осталось-то всего несколько коробок разобрать. Так в чем проблема?

– Действительно, ни в чем. – Она изобразила улыбку. И тут ее мозг внезапно ожил. Она вспомнила. Она вспомнила, как эта книга попала к ним в дом. Вот так она и тогда лежала. Она вспомнила картинку. Это случилось вскоре после переезда. На столе валялась куча всяких вещей. Наполовину разобранный коробок со стеклянной посудой и обрывки газет, прикрывающие обложку книги, терпеливо ожидающую, когда она возьмет ее в руки. Пачка непрочитанных писем и бумажный пакет, который она же сама и надорвала. И из которого вынула книгу. Пакет им переслали. Она вспомнила крупные буквы – их новый адрес был написан красными чернилами поверх старого, перечеркнутого. Она чувствовала, что Роберт следит за ней, пока она убирала стол после завтрака. Вернувшееся к ней оживление убедило ее в своей правоте. Он слишком хорошо ее знал.

В голове ее металась мысль: книга была послана по их старому адресу, стало быть, отправитель, кто бы он ни был, не знал ее нынешнего местожительства. Никто не пришел к ней в дом, в ее спальню. Она позвонит тем, кто въехал в их прежний дом. И попросит больше ничего ей не пересылать. Зачем вам беспокоиться? – скажет она. Она с удовольствием придет и все заберет сама. А может, пойдет и дальше. Может, скажет, что они получили пару писем от какого-то надоедливого типа, так, ничего серьезного, но, если что-нибудь будет приходить, лучше все-таки будет это просто выбрасывать. А если кто поинтересуется их новым адресом, то скажите, пожалуйста, что он вам неизвестен. То же самое касается и телефона: не надо давать номер. Все это она проговорила про себя, целуя Роберта в лоб и поднимаясь в душ. Осуществление замысла, однако, откладывалось до завтра. А сегодня она будет думать только о Николасе, о своей семье. О том, как лучше провести всем вместе воскресенье.

Глава 8

Двумя годами ранее

Я надеялся, что работа над книгой о замках восемнадцатого века отвлечет меня от всего остального, например, от мыслей об измене Нэнси. Так я это тогда называл. Тайна Нэнси – это ее измена. Я старался. Я очень старался сосредоточиться на книге о башне Мартелло. Я прикрепил ее фотографию к полке кухонного шкафа над пачкой открыток, которые Джонатан посылал нам во время своих путешествий. Постепенно скукоживаясь, она стояла там, серая и брошенная, и я убрал ее оттуда. Как тут сосредоточишься? В голове у меня все время стучал какой-то молоточек. Крохотный серебряный клинышек, насмешливо отрывающий меня от рабочего стола. На запасной связке ключей от квартиры Джонатана, которую я нашел в сумочке Нэнси, оказался еще один, совсем небольшой ключик. Слишком маленький для входной двери, и все же ключ от чего-то в его, а не моем доме. Оказываясь на свету, он всякий раз, когда я пытался сосредоточиться на работе, подмигивал мне. «Кто ты такой? – спрашивал я себя. – Человек, которого защищают от прошлого стены толщиной в десять футов?» Но башня Мартелло – это одно, а я – другое, я сделан иначе. Я – человек с тонкой, просвечивающей кожей, которому нужно понять, что еще могла скрывать его жена. Вот именно, я человек, в конце концов. Этот ключик прожег дыру в моем черепе, и я понял, что ни страны не напишу, пока не открою тайны.

Квартира Джонатана располагалась на самом верху блочного дома довоенной постройки, возведенного лет за десять до моего рождения. Лифта в нем не было, но кто-то позаботился о тех, кому вроде меня трудно взбираться наверх, и расставил на лестничных площадках стулья. Я присаживался на каждый. Вперед и выше. Я одолел последний пролет и посмотрел вниз сквозь красивую ажурную металлическую балюстраду, которая, извиваясь, упиралась в холодный каменный пол. Мягко загибающаяся воронка, через которую можно нырнуть, не касаясь краев, и скользить, пока не превратишься внизу в кровавую жижу. У меня возникло ощущение, что не стоило приходить сюда, что не было у меня права вмешиваться. Это территория Джонатана.

Какое-то растение перед входом в его квартиру завяло. Его давно не поливали. Я вставил ключ в замочную скважину. Чтобы открыть дверь, нужно было, наверное, обладать известной сноровкой, во всяком случае я возился, казалось, целую вечность и все это время ожидал, что кто-то похлопает меня по плечу и спросит, что мне здесь нужно.

Уже на пороге в ноздри мне ударила страшная вонь. Просто невыносимая. Что-то гнило, что-то умирающее или уже мертвое. Я сразу прошел в кухню, решив, что запах исходит от мусорной корзины, но она была пуста. На столе стояла ваза с цветами. Цветы были поникшие, увядшие, ломкие, на том месте, где в вазе когда-то была вода, остался лишь зеленый ободок. Я затоптался на месте, решая, могу ли я их выбросить. Потом перешел в гостиную, сел на диван и огляделся. Повсюду можно было заметить следы женского присутствия. На столике у окна тоже стояли цветы. Уродливые, безжизненные, иссохшие, их стебли взывали, казалось, к сочувствию их несчастной судьбе. Женское присутствие. Я не стал их трогать. Не я их сюда поставил. Они не имели ко мне никакого отношения.

У входа в спальню Джонатана я вообще едва не задохнулся. Кровать была не застелена, скомканное пуховое одеяло сползло на пол. Покрывало темно-синего цвета, простыня – темно-бордовая. Все это напомнило мне школьную форму: добрые черные цвета, благодаря которым не видна никакая грязь. Вонь исходила из угла, где стоял стол Нэнси. Зажимая ладонью нос и рот, я подошел поближе. Вот оно. Тельце. Истлевающее тельце. Сломанная шея, открытый рот, оскаленные зубы, и – гнилостный запах разлагающейся плоти. Мне следовало сразу понять. Смерть. Подобно похотливому коту, давно покинувшему место дей-

ствия, она всегда оставляет свое зловоние – зловоние хищника. На кухне я нашел пластиковый мешок и, используя его как перчатку, поднял с пола мышеловку с мышью и бросил ее в мусорную корзину.

Я вернулся в спальню и сел за стол Нэнси. Он поменьше моего, так что колени у меня едва не упирались в его крышку. Джонатану было бы, наверное, еще неудобнее: я представил себе, как при своем шестифутовом росте он пытается втиснуть свои крепкие ноги в узкое пространство, принадлежавшее некогда его матери. Я порадовался, увидев следы бывшего ухода. Никаких тебе гниющих цветов. Никаких кружков от чашек или стаканов с водой, просто ровный слой пыли. Бумага сложена на столе ровными стопками, рядом – фотография, на которой изображены мы с Нэнси. Мама и папа. Муж и жена. Двое влюбленных. Двое любимых.

Я щелкнул выключателем настольной лампы, но патрон в ней был пуст. После этого я приступил к делу. Потянул на себя верхний ящик и заглянул внутрь: пусто, если не считать огрызка карандаша и сломанной шариковой ручки. Я прочесал остальные ящики и тоже ничего не обнаружил. Остался один, самый маленький. Притулившийся под крышкой стола, он соединял две тумбы – эдакое дупло. Ящичек оказался заперт. Я вставил ключ, повернул его, немного отодвинул стул в сторону и потянул ручку на себя. Настоящий рабочий склад. Ручки, карандаши, точилки, скрепки, три блокнота. Именно такими всегда пользовалась Нэнси: ничего особенного, просто журналистские записные книжки в голубую полоску. Раньше, когда Нэнси еще писала, она всегда носила такие с собой, заноса в них мелькнувшую мысль, или описание показавшегося интересным пейзажа, или обрывок подслушанного разговора – такого рода заметки. Я пролистал один из трех блокнотов, но бегло. Заинтересовала меня оказавшаяся под ними рукопись. Я взял ее в руки. «Без названия». Наверное, работа какого-то другого сочинителя, потому что Нэнси всегда начинала именно с названия; к тому же датирована была рукопись годом, когда Нэнси давно уже оставила писательство. Может, автор – Джонатан? Я перевернул верхнюю страницу. На ней оказалось посвящение как раз Джонатану. Стало быть, написал ее не он. «Моему сыну Джонатану», – прочитал я, а внизу страницы было напечатано имя жены: так она удостоверила свое авторство. Книга, написанная втайне от меня и спрятанная подальше от моих любопытных глаз.

Вообще-то слово – не дым, глаза не ест, говорил я себе, но как бы эти слова меня не ослепили. Я не готов был их выслушать. В ящичке болталось что-то еще, прижимаясь к рукописи моей жены: армейский нож швейцарского производства, полупустая пачка сигарет, дезодорант с каким-то дурацким эротическим названием. Я схватил его и принялся расхаживать по квартире с видом разгневанного санитарного инспектора, выкрикивая в пустоту нечто нечленораздельное и уничтожая зловоние отдохнувшей мыши, а также всего остального, оскорбляющего мои чувства. Несколько успокоившись, я вернул дезодорант на место, взял оставшуюся без названия рукопись Нэнси и прижал ее к груди, как крохотное, дрожащее от страха существо. Не следовало мне этого делать, это не мое, рукопись адресована Джонатану. И все же я взял ее. Я не тронул блокноты и взял рукопись. Джонатан никогда не узнает, что я был здесь, и я дал себе слово вернуть рукопись, как только прочитаю.

Глава 9

2013, весна

– Мам, как ты думаешь, что мне делать со всем этим?

Кэтрин допила бокал вина и в раздражении закрыла глаза. Пить днем – не самая удачная идея, но Роберт открыл две бутылки их лучшего вина, и она решила присоединиться к нему и Николасу.

– Возьми, что тебе нужно, а с остальным я разберусь, – откликнулась она. Молчание. Она услышала, как в гостевой валяются на пол книги и папки. Кэтрин оттолкнула стул в сторону, и от нетерпеливого скрежета его ножек по полу ее передергивало.

– Кофе? – услышала она у себя за спиной голос Роберта.

Николас сидел на полу в той же позе, в какой и сама Кэтрин сидела здесь на рассвете.

– Не знаю, что и взять. – Вид у него был растерянный.

– Бери все, что не хотелось бы выбрасывать. У нас тут слишком мало места, Ник.

Он кивнул, словно в знак понимания, но она видела, что это не совсем так.

– А тебе самой что, ничего из этого не нужно? – Она услышала боль в его голосе.

Она повторила ту же ошибку. Она задела его своей нетерпеливостью и чрезмерной деловитостью.

– Ладно, – мягко сказала она, усаживаясь рядом с ним на пол, – давай посмотрим, что тут.

Она взяла большой удлиненный конверт и заглянула внутрь. Он был набит перехваченными резинкой тетрадями Николаса – ученика начальных классов. Может, стоило взять какую-нибудь из них и почитать? Но понравится ли ему это? В те давние времена школьные тетради сына всегда производили на нее удручающее впечатление. Только какое это теперь имело значение? Ему двадцать пять лет. Может, они вместе посмеются, а она избавится от старого неприятного ощущения и прочитает отзыв мисс Чарлз. О, она прекрасно помнила эту школьную учительницу Николаса с перманентом и тонкими губами. Это был его последний год в начальной школе, и Кэтрин тщательно выбрала нужный отзыв.

– Николас пользуется успехом в своем классе, как среди мальчиков, так и среди девочек, – с улыбкой читала она вслух, опуская конец предложения: «... но он с трудом сосредотачивается на заданиях, и это вредит его успеваемости».

Из года в год все то же самое. «Этого мало; нужно больше работать; ему трудно сосредоточиться на чем-то одном». Но в те годы у него хотя бы были друзья. А с годами их становилось все меньше и меньше.

– Это я оставлю. – Она улыбнулась, закрыла конверт и прижала его к груди, как нечто очень дорогое. – Как тебе квартира?

– Нормально. – Николас пожал плечами.

– Соседи?

– Туповаты немного. – Он снова пожал плечами.

– Как, все?

Он в третий раз пожал плечами.

– О Господи. – Кэтрин попыталась придать своему голосу нотку сочувствия, но подумала, что на самом-то деле соседи у Николаса – люди умные, занятые своим делом, сосредоточенные. Наверное, они много читали, и именно это делало их туповатыми в его глазах.

– Это студенты, – пояснил он.

– Тебе по-прежнему нравится твоя работа? – Она хотела сгладить возникшую между ними неловкость.

– Нормально, – пожал он плечами. – Ты же знаешь.

Да ничего она не знала. Как узнать, если он не говорит? Николас работал в отделе электроники в универмаге «Джон Льюис» – это не совсем то, о чем они с Робертом мечтали, думая о будущем сына, но, учитывая, что он ушел из школы в шестнадцать лет с кучей аттестатов о среднем образовании, это можно считать даром небес. Бывало, родители задавались вопросом, сумеет ли их сын закрепиться хоть на каком-то месте. Она вспомнила, как задевали ее телефонные звонки других матерей, в том числе и близких подруг, которым не терпелось поведать об успехах своих детей и которые между прочим интересовались делами Николаса, прекрасно зная, что будет удачей, если ему удастся хоть куда-то устроиться. Это было давно, но она так и не простила их. Не по-дружески они поступали, жестоко. Так или иначе, в «Джоне Льюисе» Николас пошел в гору, из чего следует, что эта работа ему хоть чем-то по душе.

– Вот что я возьму с собой, – сказал он и извлек из коробки заводную игрушку.

Аэроплан. Тонко сработан из бальзы и бумаги, крылья немного повреждены, тесемки спутаны.

– А Сэнди? – Он посмотрел на облезлую собачонку, которую Кэтрин держала в руках.

Теперь ее очередь обижаться. Она старалась пробудить в нем детские воспоминания; воспоминания о том времени, когда он не мог заснуть, если под щекой не было Сэнди; не мог спать, если она не положит ее ему в кровать. Все так невероятно перепуталось. Она хотела, чтобы он стал взрослым, но в то же время – чтобы помнил, как любил ее когда-то. Как нуждался в ней. Она боялась, что он и сейчас нуждался в ней больше, чем следовало в его возрасте, и это беспокойство делало ее жестче, и в конце концов она испытала облегчение от того, что Николас не взял с собой Сэнди. Она остановилась на пороге и повернулась к нему:

– Ник, ты ведь все понимаешь, правда?

Он подвесил самолетик к краю полки и старался распутать тесемки.

– О чем ты?

– О нашем переезде. Сам видишь. Нам больше не нужен такой большой дом. – Он не ответил, и она поняла, что не стоит развивать эту тему, но не смогла остановиться: – Разве ты не хочешь самостоятельности? Если возникнет нужда, мы всегда здесь, но уже пора, Ник, пора. Ты согласен?

– Что ж, ма, – пожал он плечами, – если ты это хочешь услышать, то да.

– Матч вот-вот начнется, – донесся из гостиной голос Роберта, и Николас бросился к отцу, отстраняя ее и оставляя с неприятным осадком от этих слов.

Кэтрин вернулась на кухню, вылила в бокал остатки вина и открыла дверь на террасу. Она закурила сигарету и попеременно затягивалась и попивала вино. Ей казалось, что это занятие успокаивало ее. Но на самом деле это было не так. Напротив, нервы у нее натянуты, как струна. Она не находила себе места. Хотела наказать себя. И сигарета – это часть наказания, медленное саморазрушение. А книга – другая часть. Она вернулась на кухню, извлекла ее из-под вороха воскресных газет, куда положила еще утром, и открыла на первой странице. Нет, тут еще нет ни малейшего намека на то, что последует дальше. Все спокойно. Тихо. Она пролистывала страницы, приближаясь к тому месту, которое – она знала – причинит ей боль. Навалившийся груз давил на нее, она чувствовала себя совершенно потерянной. Несправедливо все это. Глаза ее закрылись, слова заглушались звуком телевизора. Гол. Молчание.

Наверное, она заснула. Она не знала, надолго ли. На улице стемнело. Она с трудом пришла в себя. Телевизор был выключен, и она услышала доносящийся из коридора, от входной двери, шепот. Затем в кухне раздались шаги.

– Я ухожу. – Николас помахал на прощание рукой и подошел к ней. Он хотел ее поцеловать, и она приподнялась, подаваясь в его сторону. Его губы коснулись мочки ее уха. –

Смотри-ка, а я это читал. – У нее замерло сердце. Пересохло горло. – Мне понравилось.

На верхней губе у нее выступили капельки пота.

– Твоя мама старается одолеть эту книгу, – улыбнулся Роберт.

– Правда? Что-то не похоже, ма.

Она почувствовала, как книга перешла из ее рук в руки сына. Он неверно понял выражение ее лица.

– Ну а я вот одолел. Мне, знаешь ли, вообще-то приходится держать книги в руках.

– Нет-нет, я не то хотела... Это твой экземпляр? Это ты его послал мне?

– Нет.

– Может, оставил здесь?

– Тоже нет. Мой экземпляр дома.

– А как тебе случилось прочитать ее?

– Кэтрин... – Роберту показалось, что она слишком наседает на сына.

– Да нет, я просто хотела сказать, что случилось какое-то странное совпадение. Эту книгу послали мне, когда мы переезжали на новое место, а вот кто...

– Ну а мне ее подарили.

– Подарили? Кто подарил? – У нее сорвался голос.

Он удивленно посмотрел на нее, пожал плечами.

– Благодарный клиент. Кажется, я оказал ему какую-то услугу. Не помню уж, какую именно. Ничего особенного.

– Так кто это был? – переспросила она.

– Не помню, ма. Да в чем дело-то? Какое это имеет значение?

Она отвернулась, опасаясь, что он увидит выражение ее лица, и невнятно ответила:

– Никакого. Оставим это. – Но сделать этого не получалось. – Так, говоришь, книга тебе понравилась?

– Ну да. Но почему, рассказывать не буду, чтобы не испортить тебе удовольствия.

Она некоторое время молчала.

– Не испортишь. Скорее всего, я не буду ее дочитывать.

– Ладно, увидимся. Позвоню на неделе. – В сопровождении Роберта он направился к выходу. Она последовала за ними.

– Итак, чем все кончается? – Ей не терпелось узнать. – Наверное, дочитывать не буду, – повторила она. Он взялся за ручку двери и повернулся к ней.

– Она умирает. Печальный конец. Но она его заслужила. – Он обнял отца и с улыбкой помахал на прощание матери.

Глава 10

Полтора года назад

Слова, написанные Нэнси, не ослепили меня. Да, заставили сердце биться быстрее, задели, но не ослепили. Читая «Необычного друга», написанного молодой женщиной, я отчетливо слышал ее голос, и при этом звуке у меня слезы на глазах выступали. Теперь, когда мне попало в руки последнее произведение, последняя книга, я слышал ее голос не менее отчетливо, но это уже был голос зрелой женщины, с которой я прожил в браке почти пятьдесят лет. Голос женщины, от которой я не отходил, когда она умирала: помогал умыться, читал, кормил, обхаживал как только мог. Эту женщину я не предполагал увидеть на машинописных страницах, и тем не менее это была она. Я в свое время оставил писательство, а она нет. И, побыв с ее книгой некоторое время, перечитав ее не раз и не два, я почувствовал, что ее слова, поначалу выбившие меня из колеи, выстроились внутри меня в некий порядок, нашли удобные уголки и ниши, и я начинаю им верить, а они верят мне.

Я понял, что Нэнси хотела, чтобы я нашел рукопись, точно так же как хотела, чтобы я нашел фотографии. Она спрятала то и другое там, где, по ее убеждению, я в конце концов на них наткнусь. Она могла бы уничтожить их, но решила иначе. Она ждала, когда я буду готов, – а при жизни готов я не был. Мне надо было побыть с ними одному. Рукопись Нэнси встряхнула меня, перевернула, вдохнула жизнь. Она напомнила мне о том, в чем мы с Нэнси всегда были убеждены: литература – лучший способ освежить ум.

Сколько уж времени прошло с тех пор, как я написал на бумаге последние слова, и вот сейчас я впервые вернулся к этому занятию, когда Нэнси не было рядом, – раньше именно она служила мне стимулом. Сомнения остались позади, и вопросы, которые меня мучили, исчезли, ибо теперь я знал, почему эта книга должна была быть написана, и без колебаний мог бы сказать для кого.

Я придвинул стол к окну, чтобы видеть дом напротив и наблюдать за передвижениями жившей в нем молодой семьи. Утром – отправление в школу. Днем – возвращение из школы вместе с мамой. Их распорядок был для меня хорошим примером, он повторял расписание, по которому я жил много лет назад, когда Нэнси водила Джонатана в школу и возвращалась к полднику, а я как раз дописывал последнюю в этот день фразу.

Сначала я спрятал фотографии подальше от глаз, в ящик письменного стола, но вокруг них строился сюжет, так что пришлось вытащить их и приколоть к оконной раме. Получившаяся композиция являла собой коллаж секса и измены: нечто вроде наглядного пособия. Всякий раз, наблюдая сквозь эту раму, как молодая семья уходит из дома или возвращается домой, я думал о том, как легко развращается невинность. Это заставляло меня сосредоточиться.

Я не подстегивал себя, месяцами перерабатывая рукопись Нэнси на свой лад. Мне хотелось понять, что она чувствовала, выстраивая эти предложения; хотелось забраться в ее мозг, увидеть то, что видела она, покрывая словами очередную страницу. Я писал от руки, так мне было легче осязать форму каждой буквы: рука скользила по странице слева направо, и пальцы соприкасались с бумагой, ощущая ее гладкость.

Так стиралась грань между мной и страницей. Кожа пальцев, перо, бумага – мне хотелось, чтобы они слились воедино. Я растягивал удовольствие, насколько возможно, и наслаждался самым ритмом слов, лаская каждое из них. Случалось, я чувствовал, что какое-то предложение можно было улучшить, но не останавливался, чтобы сразу же внести исправления, а продолжал писать, говоря себе, что, подобно скалолазу, взбирающемуся на вершину, позволю себе оглянуться, лишь достигнув цели. Ни за что не посмотрю вниз.

Я вспомнил, как мы с Нэнси когда-то потешались над писателями, абсурдно утверждавшими, будто следуют повелениям собственных персонажей, будто им кажется, что книга сама себя пишет. Но сейчас получалось именно так – по крайней мере у меня возникло то же ощущение. Я видел, как персонажи, живые, во плоти, дышащие полной грудью, вполне законченные, выскакивают из книги. А я ладонью – гладкой, но твердой – подхватываю слова, перелетающие от Нэнси ко мне.

Это был вдохновляющий опыт: через открывшуюся таким образом дверь Нэнси возвращалась ко мне, ее теплое, нежное присутствие согревало наш дом. Каждый день, когда под вечер рука уставала от писания, я кипятил чай, делал тосты и читал ей вслух – так, как если бы она сидела напротив меня на старом стуле.

Потом, довольный сделанным, я отпечатал рукопись на машинке. Тук, тук, тук – пальцы вбивали в страницу каждое слово, как гвоздик. Наконец с работой было покончено. Сколько времени она заняла? От старта до финиша? На переписывание рукописи Нэнси у меня ушел год, но, конечно, подлинное начало следовало датировать гораздо более ранним временем, просто тогда я этого еще не понимал. Она всегда говорила, что когда-нибудь мои сочинения заговорят в полный голос.

Глава 11

2013, весна

Дверь за Николасом захлопнулась, и Кэтрин тут же заперлась в туалете на первом этаже. Выходит, орудие пытки, которой она подверглась, было вложено в руки ее сына, хотя сам он еще, похоже, не осознавал, что связан с этой книгой самым непосредственным образом. Она услышала за дверью шаги Роберта, подняла с пола журнал и начала шелестеть страницами, давая ему понять, что выйдет не сразу. Она перевела взгляд вниз, на свои колготки, повисшие на щиколотках, и внезапно на нее накатила волна жалости к самой себе. Не заслуживала она всего этого. Зачем ее мучали? Почему именно сейчас? Она начала плакать, и ей почти захотелось, чтобы Роберт услышал и утешил ее. Он продолжал стоять за дверью.

– Ты как там, в порядке?

– Да, все нормально. – Она снова начала шелестеть страницами, подтянула колготки, высморкалась под шум спускаемой воды. Посмотрела в зеркало. Выглядела она кошмарно, но было воскресенье, в этот день можно. «Возьми себя в руки, глупая ты курица. Дочитай книгу, перестань откладывать ее в сторону. Тогда и поймешь, что делать, что тебе противостоит». Она улыбнулась своему отражению в зеркале, едва сдерживая смех, – настолько все это дико.

Было три часа утра, и Роберт спал. Ей удалось как-то перетерпеть вечер вдвоем, а когда пришла пора идти в постель – лечь как обычно рядом и притвориться спящей в ожидании, когда он задремлет. Дождавшись этого момента, она выскользнула из постели, неслышно спустилась вниз и снова заперлась в туалете. Теперь она читала описание собственной смерти. Описание того, какой она кому-то привиделась. Как и чем все это для нее закончится. И это нестерпимо. Это ужасно. Она видела то, что сможет увидеть после смерти. То, что увидят другие, глядя на нее со стороны. Череп ее раскрыт, мозги вытекли наружу. Язык откусан собственными зубами. Нос сворочен на сторону и застрял где-то в челюсти. Так все это выглядело, когда она попала под поезд, выскочив на железнодорожное полотно. Только Кэтрин, падая, осознавала, что на самом деле никуда она не выскакивала. Ей помогли. Слегка подтолкнули. Вытолкнули на полотно как раз в тот момент, когда поезд подъезжал к платформе. На ней полно народа. Какое ужасное несчастье! Такова цена, которую она должна заплатить за то, что последние двадцать лет жила так, будто все прекрасно.

Для Кэтрин этот нестерпимый страх – отдаленное воспоминание. Она забыла, что это за чувство. Она пожилая женщина и достигла возраста, когда смерть уже подкрадывается и все чаще напоминает о себе в мыслях, но ей всегда удавалось их отгонять и двигаться вперед, ускользая от цепких когтей страха, всегда норовящего встать преградой на ее пути. Но теперь она попалась. Ненависть, выплеснувшаяся на нее, не имела пределов. Это такая ненависть, которую вызывают убийцы-садисты и насильники малолетних, но ведь она-то ни то ни другое. Автор превратил ее в какое-то чудовище. Изменил ее облик до неузнаваемости. Он – или она – ждет с ее стороны оправданий. Но с чего бы это? Она ничего и никому не должна. Такую роль она играть не будет.

Кэтрин – из тех, кто выманивает у людей правду. Она сделала из этого свою профессию. И добилась в ней немалых успехов. Она умела убеждать, она одна из лучших. Вытянуть из людей правду, вывернуть их наизнанку, заставить признаться в том, что они хотели бы сохранить в тайне, а затем выставить на всеобщее обозрение в качестве урока, – все это она делала с полной непринужденностью и никак не раскрывая самое себя. И сейчас она никому не позволит заглянуть внутрь. Она выследит охотника, того, кто вывернул наизнанку ее жизнь. Но кто это? Кто-то из знакомых? Да нет, не может быть. Она перечитала послед-

ную фразу: «Какая жалость, что она так и не поняла, что бездействие станет по-настоящему смертельной ошибкой».

Ей захотелось добить эту книгу до конца, но двести страниц – это слишком. Что ж, в таком случае она разорвет ее в клочья. Она не будет покорно выжидать. Кэтрин встала и, кутаясь в халат, пошла на кухню. Нашла спички – тонкие длинные спички, которые раньше использовались только для того, чтобы зажигать ароматизированные свечи, чиркнула одной и поднесла пламя к книге. Та разгорелась медленно, неохотно: ламинированный переплет сопротивлялся, и поначалу возник лишь ядовитый запах. В конце концов страницы поддались, края почернели, обуглились, постепенно занялись красным, а затем голубым и желтым пламенем. Она держала книгу в руках, пока огонь не начал обжигать пальцы, и, наконец, бросила полыхающий комок в раковину, открыла кран и уничтожила собственноручно разведенный огонь.

– Что ты здесь делаешь?

Кэтрин стояла неподвижно. Роберт, громко ступая, подошел к ней и молча посмотрел на почерневшую массу. Они оба взирали на бесформенное нечто, сохранившее, несмотря на все ее усилия, очертания книги. Он перевел на нее вопросительный взгляд. Кэтрин отвернулась и еще плотнее запахнула халат.

– Кэтрин?

Она покачала головой. Она попалась. Ее поймали. Может, она сама этого хотела. Может, оно и к лучшему. Роберт захватил большим и указательным пальцами полусгоревшую бумагу. «Идеальный» – единственное слово, которое еще можно было разобрать на обложке.

– Это про меня.

Вообще-то говоря, она с тем же успехом могла сказать: «Сама не знаю, что на меня нашло». Так и надо было сделать, но что сказано, то сказано. Может, этого ей и хотелось? Все ему рассказать? Прямо сейчас?

– Дорогая... – В этом слове ей послышалось смущение и неизбывная горечь. Роберт бросил книгу назад в раковину, она перехватила ее обеими руками так, словно та все еще горела, и отправила в мусорную корзину. Вытащила черный пластмассовый мешок и завязала его. Все это делалось очень быстро, словно кто-то поставил запись на самую большую скорость. Она побежала с мешком к входной двери, выскочила на улицу, бросила его в ближайший мусорный бак и захлопнула металлическую крышку. Затем, уже медленнее, возвратилась домой и закрыла за собой дверь.

Издали она видела, что Роберт все еще на кухне – наблюдал за ней. Он не двигался, она тоже. Между ними коридор, расстояние в десять футов, в котором плавали произнесенные слова. Кэтрин мучительно соображала, какие из них проглотить, какие выговорить. Выбрав, в каком порядке их расставить, она сделала первый шаг, направляясь в сторону Роберта, готовясь заговорить.

– Это было отправлено на наш прежний адрес. На мое имя. Книга – о том, что случилось много лет назад. – Она запнулась. – Меня хотят наказать.

– Наказать? Кто хочет тебя наказать?

– Тот, кто написал эту книгу.

– Но за что? Это что, имеет отношение к твоему фильму? В таком случае я звоню в полицию...

– Нет, нет, ничего подобного.

– Тогда в чем дело? – В его голосе звучало нетерпение. Он устал. – Кто прислал ее?

– Не знаю.

– Что заставляет тебя думать, будто это про тебя? – В его голосе слышалась насмешка.

– Я узнала себя.

– Тебя называют по имени?

– Нет, но описывают меня и... – Она схватила его за руку в надежде почерпнуть силы для продолжения.

– Описывают тебя? Как это – пишут про блондинку? Про женщину средних лет? Кэтрин, ради Бога, опомнись!

Он высвободил руку и сел. Кэтрин почувствовала, что слова застряли в горле, и ее охватила злость. Она злилась на его неведение. Винила за то, что он ничего не знал. За то, что не был там. За то, что ей так трудно рассказывать ему все это. Да и момент прошел. Она не могла ему ничего сказать, и бессловесность заставила ее разрыдаться. Она бессильно опустила на стул и склонила голову к коленям.

– Кэтрин, милая, нельзя так терзать себя. – Его тон смягчился, она почувствовала прикосновение его ладони к своим волосам. – Что там с этой книгой? Ведь Ник читал ее, верно? Похоже, это тебя беспокоит. Но почему?

Он ждал ответа, и она заставила себя поднять голову и повернуть к нему раскрасневшееся, залитое слезами лицо.

– Я испугалась... Я нашла там такое, что... – Она буквально выталкивала из себя слова, стараясь донести до него какие-то крупинцы правды. – Из-за этой книги я возненавидела себя. Извини, извини, пожалуйста... – Она запнулась, слова прилипли к гортани, и она говорила то, чему он, как ей кажется, должен был поверить: – Это паранойя, у меня что-то с головой, не могу объяснить...

Повисло минутное молчание, которое он нарушил:

– Да ничего и не надо объяснять, Кэт. Это я у тебя должен просить прощения. Нельзя мне было раздражаться, да я и не злился, просто забеспокоился. – Он взял ее за руки. – Знаю, у вас с Ником проблемы. Тебе нелегко. Но ведь он любит тебя, и ты это знаешь, разве не так? Просто со мной он легче находит общий язык. – Смягчая сказанное, он обнял ее, и все же она отстранилась. – Бывает, он откалывает разные штучки, я знаю. И прекрасно могу тебя понять. Книга явно чем-то тебя задела... задела. Она каким-то образом с тобой связана. Вообще – о чем она? О вине? Об отношениях матери с сыном? – Он ждал подтверждения и слышал его в ее молчании. – Но тебе не в чем себя винить, Кэтрин. Нику двадцать пять, пора ему жить своей жизнью. Конечно, если понадобится, мы всегда его примем. В конце концов, у нас есть свободная комната. – Он обхватил ее виски ладонями и заставил посмотреть на себя. – Единственный, кто наказывает тебя, Кэтрин, это ты сама. – Голос его звучал мягко и нежно. – Пора покончить с этим. Обещаешь? – Она кивнула. – Мы уже такое проходили, Кэт. На сей раз давай разберемся побыстрее – тебе совершенно ни к чему себя мучить. Сходи к нашему доктору. Поговори с ней. Почему бы не попросить ее прописать тебе снотворное? – Он улыбнулся. – Я слишком хорошо тебя знаю. Ты пыталась ничего не показывать, но меня-то не проведешь. Выглядишь ты ужасно. – Он поцеловал ее.

Кэтрин снова кивнула.

– Извини, ты, должно быть, страшно устал, – произнесла она. – А ведь завтра тебе рано вставать.

– Все нормально, – ответил он. – Обещай, что сходишь к докторше.

– Схожу. Обещаю.

– От меня тебе ничего скрывать не нужно. Ты ведь это знаешь, правда? – Это не вопрос. Он взял ее за руку и повел наверх. – Ты просто поговори со мной, Кэт. Когда у тебя такое состояние, возьми да поговори.

Его слова – ласковые, добрые – контрастировали с видением, по-прежнему мерцающим в ее сознании: ее лицо, то самое лицо, которое муж теперь поглаживал, белело, растерзанное до неузнаваемости, на железнодорожном полотне.

Глава 12

2013, конец зимы – весна

Хорошо заточенный карандаш – смертельное оружие в умелых руках. С его помощью можно по меньшей мере выколоть глаза, а то и добратся до мозга через глазницу. Свой карандаш я заострил до предела. Но и смертельное оружие бессильно, если нет мишени.

Ну, моя мишень мне известна. Известна уже много лет. Вопрос лишь в том, как до нее добратся.

Я последовал совету одного местного типографа, который в свое время отпечатал церемониальные карточки к похоронам Нэнси. Он предложил мне не искать издателя и опубликовать роман самому. «Обращайтесь к читателю прямо», – сказал он, и эти слова музыкой прозвучали у меня в ушах. Но он добавил: «Он-лайн», и мы потеряли общий язык. У меня даже не было компьютера. У старости и одиночества немного преимуществ, но в данном случае мне удалось извлечь максимум из своего невеселого положения. Мне нужна была помощь, и этот добрый человек предоставил мне ее. «Ноутбук», – сказал он. Звучание слова мне понравилось, и он помог мне купить эту игрушку, настроил сложную систему и показал, как действует «он-лайн». Без него мне бы ни за что не справиться. Очень терпеливый человек, очень участливый. Он дал мне свободу, об отсутствии которой я даже не догадывался, – отправил меня в путешествие по безграничной вселенной. Теперь, в мои преклонные годы, я мог свободно направиться туда, куда душа пожелает.

Первый запрос – ее имя. Я набрал его на клавиатуре, и вот она – полная информация. Фотографии, краткое жизнеописание, степени и дипломы, полный перечень работ. Появилось и несколько самозванок, но, едва увидев ее, я быстро разобрался, что к чему. Пусть даже мы никогда не встречались. У меня не было ни малейших сомнений, какая из всех этих Кэтрин Равенскрофт – моя. А вдобавок и ее муж. Роберт. Роберт и Кэтрин. На одном из снимков он обнимает ее. Ее волосы развеваются на ветру, на лице – улыбка. К собственному удивлению, когда снимок появился на экране компьютера, я узнал точное место, где он был сделан: навигатор определил. Я сверился с картой, и вот, пожалуйста. Корнуолл, местечко под названием Фови. Скорее всего, подумал я, приехали на выходные, остановились в приличной гостинице. Снято на мобильный телефон. Наверное, фотографировал сын. Тогда он был совсем мальчишка, сейчас молодой человек. Николас. Николас Равенскрофт. Вот он. Неужели не получил университетского образования? Недоучка, исключенный из школы? Нет, не может быть. Продавец? Я лично ожидал большего от отпрыска такой амбициозной и успешной супружеской пары. О, счастливые денечки. Столько лет прошло, и тем не менее я почти сразу сообразил, к чему стремились и она, и вся ее семья. И какую насыщенную, богатую жизнь она вела, и что получала в награду. Об этом можно судить хотя бы по ее зубам – ровным и белым, – свидетельство преуспевания, такое же безошибочное, каким в шестидесятые был загар. И прическа тоже шикарная, и седые волосы (сейчас она уже наверняка обзавелась натуральной сединой) искусно смешаны со светлыми. Да, все признаки процветания налицо.

Я превратился в неутомимого и бесстрашного путешественника. Меня привлекали разнообразие тропинки, и, должен признаться, порой я уклонялся от главного направления. Одна такая тропинка привела меня к моему бывшему ученику. Когда-то он был звездой, этот молодой человек, правда, теперь он не молодой, приближается к среднему возрасту. Я часто думал о нем, задаваясь вопросом, что с ним стало и как это можно выяснить. На ощупь, слегка касаясь клавиш, пробирался я по закоулкам его жизненного пути. Не женат, бездетен. С такого расстояния наблюдать за ним безопасно. Никто не узнает.

Но назад, к делу. Мне был нужен адрес – яблочко в моей мишени. Я знал, где она работает, но мне нужен был домашний адрес, а вот он-то никак не находился. В конечном итоге навел на след муж. Я прочел его биографию в одной газете. Сначала общие слова, а потом: «Роберт Равенскрофт живет в северо-восточном районе Лондона с сыном и женой Кэтрин, популярным кинорежиссером-документалистом». Пусть и не точный адрес, но уже что-то. А потом, продолжая неустанно работать пальцами, я наткнулся на телефонный справочник. Мистер Р. Равенскрофт. Я переписал номер. Теперь мне есть за что зацепиться.

Я походил на ребенка в ожидании Рождества, когда мой друг-типограф прислал первые экземпляры моей книги. По правде говоря, Рождество как пришло, так и прошло – я провел его в одиночестве. Все для одного – готовая индейка, жареный картофель, брюссельская капуста, подливка и клюквенный соус. Пахло это лучше, чем оказалось на вкус, – когда я снял крышку с коробки, по комнате распространился острый, щекочущий ноздри аромат праздничного застолья. Но наступления моего подлинного Рождества пришлось ждать еще целый месяц, и когда в конце января я открыл почтовый ящик и обнаружил в нем самый первый экземпляр книги, стало ясно, что дело того стоило. Для обложки я выбрал одну из почтовых открыток Джонатана. Голубое небо, полыхающее солнце. Да, все получилось как надо: горячее белое солнце, которое видишь даже с закрытыми глазами. Мой друг всячески пытался заставить меня спокойно пройти под его руководством курс обучения книготорговле по Интернету, но у меня не было на это времени. Мне не терпелось сделать следующий шаг. Я убедил его, что в волнах мировой сети я плавать уже научился и справлюсь со всем сам. На самом деле я совершенно не собирался ждать, пока заказы начнут поступать он-лайн.

Когда я засовывал книгу в первый попавшийся бумажный пакет и надписывал адрес, руки у меня дрожали. Я так волновался, страхась перепутать какую-нибудь букву или цифру, что в конце концов решил доставить посылку самолично. Прямо из типографии – подарочный экземпляр особо уважаемой персоне. Чтобы подарок стал сюрпризом, я принес его рано утром, когда можно быть уверенным, что тебя никто не заметит. Пакет опустился на полковик с легким, ласкающим слух стуком: граната, ждущая, когда кто-нибудь выдернет чеку. Я хотел, чтобы взрыв оглушил ее в самый неожиданный момент – например, когда она приляжет, свернувшись калачиком на диван с бокалом вина в руках. Никакой записки в книгу я не вложил. К себе внимания привлекать мне вовсе не хотелось, важно было только одно – чтобы она узнала себя. Не меня, а себя. Я хотел, чтобы она узнала в героине книги свое подлинное «я» – подлинное, а не выдуманное. Мне хотелось швырнуть ей в лицо правду.

Книга представлялась мне терьером, эдаким Джеком Расселом из другого моего романа, который разнюхает место, где она укрывается, и выгонит ее на открытое пространство. Его острые зубы вонзятся в нее и сорвут одежды в виде множества фальшивых «я», которыми она себя окружила. Как надежно она спряталась за долгим счастливым браком, за успешной карьерой и, да, не забудем еще о материнстве. Отличное укрытие. А теперь, будь добра, взгляни правде в глаза. Обрети себя. И посмотрим, каково тебе будет жить с самой собой.

Вернувшись домой, я почувствовал усталость и ненадолго прилег. Проснулся я ближе к обеденному времени и приготовил себе сэндвич из сыра. Получилось так себе – сыр высох, а хлеб зачерствел. Правда, оставалась еще полка в кладовке, где я держал соленья, маринады, варенья, заготовленные еще Нэнси. Я не прикасался к ним с самой ее кончины, но в тот день открыл банку с острой луковой приправой, снял с нее слой плесени и положил на сыр. Едва я отправил в рот первый кусок сэндвича, как в горле у меня что-то застряло. Я перестал жевать и, работая языком, попытался извлечь инородное тело. Только оказалось оно совсем не инородным: это была частица Нэнси – длинный белый волос. Я мог открыть любую банку, но остановился почему-то именно на этой, в которой сохранилось нечто от

Нэнси. Я облизал волос и положил его на тарелку. Это было знамение. Точно, тут не могло быть никаких сомнений. Такова была Нэнси, такова была ее природа – она никогда не оставляла незамеченным доброе дело. Это был знак одобрения, и он заставил меня задуматься над тем, что еще я мог для нее сделать. Будь тверд, сказал я себе.

День был ясен, воздух сух и прозрачен, и, сидя на верхней палубе автобуса, я с наслаждением подставил лицо ярким лучам солнца. Хотя идти от Оксфорд-серкус до универмага «Джон Льюис» было всего ничего, времени у меня это заняло больше, чем должно было, – через такую толпу пробиться нелегко. Но обед подкрепил мои силы. Нужен новый пылесос – вот на чем я остановился. Но какой именно? Я принялся оглядываться в поисках служащего, который мог бы помочь с выбором, и – вот он. Тот самый, кого я искал. Начать с того, что он действительно оказался полезен, – вежливый молодой человек в лоферах и с именной карточкой на лацкане пиджака. Кажется, он сразу понял, что мне нужно. Что-то не тяжелое, такое, что пожилой господин сможет носить вверх-вниз по лестнице. Он сочувственно покивал головой, услышав, что раньше домом по преимуществу занималась жена, ныне, увы, покойная. Он предложил «Дайсон» – этот пылесос можно волочить за собой, и у него есть ручка, с ее помощью его легко можно поднять по ступенькам. Многообразные аксессуары, мощный мотор – ничего подобного пока на рынке нет. Да, конечно, но у меня, видите ли, некоторая ностальгия по другой форме – вертикальной. Мне бы модель, которая напоминает прежние – с ней будет уютнее. Я не мог не почувствовать исходящего от него стойкого запаха табака, наверняка еще с тех времен, когда он тайком курил в школе. Вертикальный оказался еще тяжелее «Дайсона» – не уверен, что у меня хватит сил справиться с ним. Может, попробуем, что-нибудь на механической тяге, без электричества? Скажем, «Биззл» – так вроде это называется? Что-нибудь на роликах, которые, передвигаясь по ковру, всасывают пыль. Как насчет этого? Он вскинул голову и посмотрел на меня так, словно я попросил его проспрягать латинские глаголы. И, в свою очередь, задал вопрос: а что мне надо пылесосить? Ковры? Дорожки? Голый пол? Он делал все от него зависящее, и мы все ходили вдоль-поперек торгового зала, пока, наконец, ему стало трудно скрывать свое нетерпение.

Наверное, я отнимал у него слишком много времени. Может, у него должен был быть перерыв на чашку чая? Я видел, как у него начинали сжиматься челюсти и скрипеть зубы, он оглядывался на коллег и закатывал глаза. Уверен, заметить это кто-нибудь из начальства, ему бы не поздоровилось. «Ладно, что бы купили на моем месте вы?» – спросил я. «Дайсон», – ответил он. «Что ж, послушаюсь знающего человека», – откликнулся я, а он снял с полки коробку и сказал, что покупка меня «не разочарует». «Эта штука стоит тех денег, которые вы за нее платите. Пользуется большим спросом». Он проводил меня до кассы, и тут я передумал. Как бы это получше ему объяснить? Слишком дорого для пенсионера. «Мне не потянуть», – сказал я. Надеюсь, я не заставил его зря потратить время.

Мне хотелось дать ему шанс. Естественно, ему надо было очень постараться, чтобы заставить меня купить нечто мне не нужное. Но он оказался безнадежен. Просто занимает место. Сомневаюсь, что его сочли бы достойным кандидатом на обучение ремеслу менеджера. Пару дней спустя я вернулся с подарком и оставил его на кассе. «Передайте ему, – попросил я девушку, – что это от благодарного клиента».

Распорядившись таким образом первыми двумя экземплярами книги, теперь я должен был ждать, то и дело сверяясь со своим ноутбуком на предмет появления отклика, сообщения – чего угодно. Неудивительно, что от него ничего нет, но от нее я ожидал хоть какой-то реакции. Бессердечная сучка. Сначала я хотел сохранять анонимность как можно дольше, выманить ее наружу своим молчанием, но теперь почувствовал, что придется еще раз навестить ее дома и своими глазами посмотреть, что там, черт возьми, происходит.

Славное жилище. Стены свежеевыкрашены, перед входом разбит садик. Это уже не просто стены, это дом. Красивый дом, да только меня в нем не ждут. Я стоял перед ним около

часа. Это был холодный, сумрачный весенний день. Наконец подъехала машина. Распахнулись задние двери, и на улицу выбежали ребятишки. Собственно, их было трое, все разного роста. Что-то тут не так. За детьми следовала женщина. Мать. Но не та мать. Может, и машина не та. То, что она остановилась у того дома, еще не значит, что машина та. Не та мать прошла по дорожке, ведущей к дому, открыла входную дверь и вошла внутрь. Я пересек улицу. Да, именно здесь я оставил свою гранату, но она попала не в те руки.

Я ступил на дорожку и увидел, что кто-то смотрит на меня из нижнего окна. Рядом с первым появилось еще одно лицо. Затем – третье, вплотную приблизившееся к первым двум. Я улыбнулся всем трем, и они миготом исчезли за опустившейся занавеской. Не переставая улыбаться, я направился к входной двери и надавил на звонок. Изнутри слышались пронзительные голоса детей, взбудораженных, по-видимому, одним лишь появлением незнакомого человека у порога их дома. Три поросенка.

Дверь открыла мать. Было время полдника, но дверь оказалась закрыта на цепочку. Господи, сейчас же далеко еще не полночь, на улице совсем светло. И я улыбался ей. Я бы не стал улыбаться, если бы пришел с дурными намерениями.

– Добрый день. Извините за беспокойство... – *Помолчи секунду, пусть поймет, что тебе действительно неловко.* – Я ищу старую знакомую – Кэтрин Равенскрофт. Она ведь, кажется, здесь жила когда-то... – *Поморгай. Улыбнись еще раз.* – Несколько недель назад я оставил для нее подарок, но... никто так и не откликнулся. Это... это на нее не похоже.

– Они переехали, – пояснила женщина, даже не попытавшись улыбнуться в ответ.

– Ах, вот оно что. Тогда понятно. Мы давно не виделись и... – *Выжди еще немного. Постарайся не казаться назойливым.* – А нового адреса у вас нет?

Я снова моргнул. Я стар, немощен. На улице холодно. Проявите милосердие.

– Нет. – Она покачала головой и потянулась к дверной ручке. Вот стерва. Я мгновенно выставил ногу, не давая ей закрыть дверь.

– Пожалуйста, – заговорил я, – мне не хотелось бы отвлекать вас, но дело важное, мне непременно надо с ней увидеться.

Три поросенка прятались за спиной матери.

– Убирайтесь из моего дома, – сказала она. И это была не шутка. Голос у нее был металлический.

Естественно, я сразу сделал шаг назад. И извинился. Она захлопнула дверь прямо у меня перед лицом. Я меньше всего хотел напугать ее. Честное слово. В этом не было никакого смысла. И все же я не мог уйти просто так. Мне нужно было знать, передала ли она посылку по адресу. Я опустился на свои больные колени и попытался просунуть пальцы в отверстие для почты в двери.

– Пожалуйста. Скажите хотя бы, передали ли вы мой подарок? – И тут меня осенило. – Видите ли, я – ее крестный. И мне не хотелось бы, чтобы она подумала, будто я забыл про ее день рождения.

– М-а-а-ам, – раздалось жалобное повизгивание одного из поросят.

Вообще-то я всегда любил поросят. Умные, преданные существа. Как-то мамочка не очень добра по отношению к старику.

– Да, я переслала бандероль. А теперь уходите. Меня попросили не давать новый адрес. Уходите, иначе я вызову полицию.

Я поднялся на ноги. Треск в костях, боль, однако же не все еще потеряно.

– Большое спасибо, – пробормотал я и отошел от двери. Я оказался не в том доме, и мой снаряд полетел – на что я не рассчитывал – кружным путем, и все же, выходит, в конце концов достиг цели.

Я продолжал прочесывать Интернет в поисках откликов, но пока ничего не находил. Я пытался проследить ее перемещения с помощью ноутбука, стал настоящим наркоманом,

которому каждые несколько часов нужна доза в виде общения он-лайн. Время от времени моя настойчивость вознаграждалась, и я узнавал нечто новое. Домашние любительские фильмы, звуковые. Болтовня. Воркование. А вот и она, с мужем. Весьма представительный мужчина. Судя по одежде, собрались на какой-то прием. Умная девочка. Получила премию. «Смелый документальный фильм Кэтрин Равенскрофт о воспитании юных девиц...» Ага, тонкая ирония. Мне не терпелось услышать ее голос. Я закрыл глаза и дал прокатиться звуковой волне: «Мне хотелось бы выразить признательность тем храбрым детям, которые не побоялись открытого разговора, которые поверили мне, потому что без их мужества, без их готовности сказать правду о том, что с ними случилось...» А что, звучит убедительно. Верно, ребята это храбрые. А она без колебаний пожертвовала бы ими ради собственной славы. А те люди, что наградили ее, они точно не имели ни малейшего представления о том, что она за человек. Мне хотелось заткнуть ей рот. Я не мог вынести самого звучания ее голоса. Надо сделать так, чтобы она исчезла. Крестик в красном квадратике. Щелк. Выход. Только что ты видел ее, а теперь уже не видишь. Очень просто.

Глава 13

2013, весна

Она погребена глубоко внизу, между ней и дневным светом по меньшей мере тридцать футов. Кэтрин не одна: здесь бесчисленное множество ей подобных. Но действительно ли это так? И здесь ли он? И она – здесь ли? Она судорожно прижала сумку к животу и бросила взгляд назад, налево, направо. Их взгляды встретились, и они отвели глаза.

...Она почувствовала чье-то прикосновение и обернулась. Вокруг множество лиц, но ни одно ее не интересует. Она посмотрела на расписание и увидела, что поезд прибывает через три минуты. Чего она не знала, так это того, что на табло обозначены также оставшиеся ей минуты жизни...

Она почувствовала, как ее охватывает паника. Это было ошибкой. Кто-то наступил ей на ногу. Хочет поставить подножку? Она поспешно отдернула ногу и посмотрела на какого-то типа с электронным устройством в руках: тот пробормотал слова извинения, перевел взгляд на свой гаджет и подтолкнул ее к поезду – к поезду, а не под поезд. Слева в шею ей кто-то дышал, она почувствовала запах мужского лосьона и задержала дыхание, иначе ее стошнит от этого запаха. Бросила взгляд исподтишка. Мужчина – рослый, выше ее, плотоядно поглядывал сверху. Вот черт! Надо было поехать на автобусе. Проклятие! Уходя из дома, она дала себе слово не думать больше об этой книге, которая способна только доконать ее, но автобус – это три пересадки, до работы получается слишком далеко. И слишком неудобно. Кэтрин храбрая, а не какая-то там хныкающая трусишка. Она старается быть достойной Роберта. После того вечера, когда она сожгла книгу, он снова в нее поверил. Все это время он так внимателен к ней, так заботлив. Она выполнила свое обещание, сходила к врачу, после чего Роберт увидел на ее ночном столике маленькие таблетки желтого цвета. Они немного улучшили ее сон и заставили его поверить, что она вновь обретает свое прежнее «я».

Ее толкнули, а она не может позволить себе оказаться слишком близко к подходящему поезду. С каждым новым составом она, готовясь сесть в следующий, оказывалась ближе к рельсам, но все же не вплотную. В ней вдруг проснулось почтение к желтой пограничной линии. Ее буквально трясло от страха перед каким-нибудь психопатом, который ненароком толкнет ее на рельсы. С другими такое случалось, и она опасалась, что то же может произойти и с ней. Только на сей раз это не будет случайностью. Ее толкнут нарочно. Все будет выглядеть как несчастный случай, но Кэтрин знала, как легко это устроить.

Она впилась взглядом в железнодорожное полотно и увидела на нем себя – распластанную. Поезд подъехал, она нащупала ногой ступеньку и протиснулась вперед. Ее очередь. И она сделала шаг вперед. Двери закрылись. Свободных мест нет, но она даже рада, что вокруг столько людей, в толпе легче держаться прямо. Восемь остановок, и она будет на месте.

Восемь остановок, и она вышла из вагона и оказалась на улице. Она пошла вперед, не оглядываясь. Вперед – на рабочее место, за стол – ее надежное убежище. Чем ближе оно становилось, тем покойнее было у нее душе. Она почти забыла, что совсем недавно подозревала совершенно незнакомых людей в том, что они выслеживали ее, выжидали момент, чтобы толкнуть. Но сейчас она не испытывала ничего подобного. Сейчас она в безопасности. Она предъявила пропуск, миновала охрану и подошла к лифту, где уже стояли в ожидании несколько человек. Все они знали ее, а она знала их.

– Ну, как новоселье?

Кэтрин улыбнулась Ким – милой Ким, юной, неизменно бодрой Ким. Она со стуком поставила на стол сумку, извлекла из нее свой трофей – уродливую металлическую фигурку

– и с насмешливым торжеством водрузила ее на полку позади себя. Здесь тоже много воздуха, как и дома.

– Жуть какая-то, правда? – сказала Кэтрин, разглядывая свою награду.

– А что, как подсобный инструмент сгодится, – возразила Ким. – Мы еще будем рады ему, когда появится Саймон.

– Ну да, а кровь легко стереть какой-нибудь из этих тряпок... – Кэтрин сдернула с компьютера салфетку и протерла экран, с приятным удивлением ощущая, насколько же легко ей удалось подыгрывать Ким с ее черным юмором.

– Кофе? – предложила Ким.

– С удовольствием. – Кэтрин улыбнулась.

Начинали подходить остальные – продюсеры, редакторы, обслуживающий персонал. Раздались приветствия, поздравления, добрые пожелания. Даже Саймон, который ворвался в комнату, фонтанируя какими-то новыми названиями, даже он вел себя терпимо. Саймон – это ее коллега, тоже режиссер-документалист. Он пришел в кино из журналистики и считал себя тяжеловесом, но сегодня утром Кэтрин не до него. Все дело в том, как она чувствовала себя раньше и как чувствует сейчас. А чувствует она себя почти нормально.

– Неплохая работа, между прочим. – Саймон подмигнул, бросая беглый взгляд на трофей Кэтрин.

Она не обратила на него внимания и открыла новую записную книжку.

– Ну и что дальше? – спросил он.

Господи, ну что за болтун, совершенно невозможный тип.

– Да вот, кому-то захотелось сделать из моего репортажа художественный фильм, – на ходу придумала она и с удовольствием отметила, каких трудов ему стоило сохранить на лице улыбку.

– Здорово, – сказал он.

– Еще бы, – откликнулась она, не отрывая от него взгляда.

– Ну что ж, если захочешь посоветоваться, милости просим – мне приходилось немного общаться с этими киношниками. – Он снисходительно ухмыльнулся.

– Непременно, Саймон. – Она подмигнула ему, отвернулась, достала ручку и принялась барабанить ею по записной книжке. Список – вот с чего надо начать. Список – это всегда хорошая отправная точка.

Книга: «Идеальный незнакомец».

Автор: Друг (чей?)... Родственник (чей?)... Свидетель (чего?)...

Кэтрин постучала ручкой по бумаге и постаралась вспомнить, когда она виделась с Нэнси Бригсток. Да, это был 1998 год. Они встретились с глазу на глаз, и это случилось только один раз. Нэнси связалась с Кэтрин. Она вспомнила, что, получив письмо, почувствовала укол раскаяния, ведь Нэнси, скорее всего, ожидала, что Кэтрин сама проявит инициативу. Ей было бы не сложно разыскать ее, впрочем, и Нэнси найти Кэтрин не составило особого труда. У кого бы хватило черствости отказать передать ей подробности? Письмо было написано шариковой ручкой, черными, с голубым оттенком, чернилами. Кэтрин до сих пор помнила этот наклонный почерк с округлыми заглавными буквами в начале каждого предложения. Письмо достигло своей цели. Кэтрин почувствовала себя обязанной увидеться с ней.

Дело было в октябре, в пятницу, днем. Белесое небо, влажный воздух. Влажность в октябре? В октябре редко бывает влажно, но в ощущениях у Кэтрин это было именно так. Удушливая атмосфера. Она вспомнила, что, уходя из дома, сняла шляпку и сунула ее в карман. А уходя с работы, надела – думала, на улице холодно, а оказалось душно. Тепло накапливалось внутри, в голове, пока ей не начало казаться, что мозг медленно разогревается,

превращая мысли в какое-то месиво. Она сняла шляпку и расстегнула пальто. А Нэнси Бригсток – нет. Пальто словно всасывало ее в себя. Это была крошечная женщина. В перчатках, с непокрытой головой. Кэтрин вспомнила, что, глядя на нее сверху вниз, рассмотрела проглядывающую сквозь редкие седые волосы розовую кожу. Она прикинула, что Нэнси должно быть примерно столько же лет, сколько ее матери, но выглядела она старше. У нее был рак. Об этом она написала в записке, да и выглядела, как человек, проигрывающий сражение. Еще она написала, что недавно потеряла мужа, – это была еще одна причина, по которой Кэтрин согласилась тогда с ней встретиться. А что, если Нэнси Бригсток не умерла? Что, если она жива? Живет себе со своим раком? Кэтрин включила ее имя в список.

Встреча прошла напряженно. Кэтрин было много чего сказать, но она не могла себе этого позволить и предоставила говорить Нэнси. У той в голосе слышался вызов – она словно подначивала Кэтрин, побуждала ее раскрыться. Нет, этого не будет. Она не готова к этому. «Я не могу сказать ничего, что могло бы помочь вам», – произнесла она. Тогда Нэнси попросила о встрече с Николасом, и Кэтрин вынуждена была отказать. Она попыталась смягчить свой отказ, заметив, что он слишком молод, потому она и не может допустить этого. Кэтрин прикоснулась к руке этой слабой женщины и явственно ощутила дыхание смерти. Она увидела ее и в глазах женщины, которая, не отрываясь, смотрела на нее. Кэтрин не выдержала этого взгляда и отвернулась, попрощалась и пошла прочь. Она шла, не оглядываясь. Ей не хотелось, чтобы Нэнси увидела ее слезы. Она оплакивала все то, о чем не сказала, оплакивала и саму эту крохотную женщину, завернутую, как кокон, в свой модный, в елочку, твидовый жакет. Кожаные перчатки. Гладкие, искусно ухоженные волосы. Удобные туфли. Поразительно, сколько усилий она приложила к тому, чтобы придать себе достойный вид. Чтобы выглядеть сильнее, чем она была на самом деле. Впрочем, может быть, Кэтрин просто недооценила ее мужество, и эта женщина победила смерть, а теперь вступила в борьбу с ней, Кэтрин. И, может быть, в глазах ее была не смерть, а нечто иное, столь же холодное. Способна ли Нэнси Бригсток, какой она предстает в книге, изготовить яд?

– Тебе что-нибудь нужно? – Ким склонилась у нее над плечом. Кэтрин захлопнула записную книжку.

– Да нет. Просто записала кое-какие мысли. А впрочем, может, у тебя есть какие-нибудь наброски сюжетов? Тогда пройдемся по ним.

Ким кивнула. Она на все для нее готова. Кэтрин – ее единственный шанс на продвижение, только она давала ей возможность почувствовать себя чем-то большим, нежели просто толковым ассистентом.

– Вообще, пока тебя не было, я и правда кое-что надумала. И набросала на бумаге. Интересно, что ты скажешь?

– Отлично! – Кэтрин улыбнулась. Вот это ей и нравилось в Ким. Ей не сиделось на месте, она все время в деле. И ее ни о чем не надо было просить дважды, по крайней мере в этом не было нужды у нее, Кэтрин. Интересно, что сказала бы Ким про «Идеального незнакомца», прочти она эту книгу?

Кэтрин рано ушла с работы. Она вспомнила, что не выбросила записку, оставленную Нэнси. В спальне еще две нераспакованные коробки с разными вещами, и что с ними делать, совершенно непонятно. Вроде ту записку она положила в папку вместе со случайными фотографиями и письмами от матери и старых друзей. Упаковывая вещи накануне переезда на новое место, она собралась было все это выбросить, но потом передумала. Ее пальцы впились в выцветшую обложку, и она извлекла папку из коробки. Начала перелистывать – точно, здесь. Бледно-голубая писчая бумага и темные чернила. В верхнем правом углу адрес. Только адрес, номера телефона нет. Маловероятно, конечно, что Нэнси еще жива и живет по тому же адресу, но попробовать все же стоило. Сердце колотилось у нее в груди – выброс адре-

налина. Все правильно: попытка не пытка. Лицом к лицу – таков стиль Кэтрин. Чье лицо встанет перед ней, пока не ясно, но кто-то должен ответить за все то, через что ей пришлось пройти. Она посмотрела на часы. Четыре пополудни. Времени на то, чтобы наведаться туда и вернуться домой до появления Роберта, хватало.

Кэтрин одолела последний лестничный пролет и попыталась представить себе, как могла подниматься по этим ступенькам женщина, умирающая от рака. А если Нэнси Бригсток все же жива, то как поднимается сейчас? Она точно знала, что ее мать ни за что не смогла бы это сделать. Кэтрин щелкнула выключателем на последней площадке – он не сработал. Еще одна попытка. Тот же результат. Кто-то даже не потрудился заменить перегоревшую лампу. И еще полить растения в горшке перед входной дверью. Листья высохли, пожухли, съезжились. Сквозь маленькое, запыленное окошко на крыше пробивался тусклый свет, при котором едва можно было разглядеть номера двух квартир. Она остановилась перед дверью той, что была указана в последнем известном ей адресе Нэнси Бригсток, и нажала на кнопку звонка. В квартире ни звука. Она постучала – дважды, костяшками пальцев и, поправив сумку на плече, стала ждать. Ничего. Никого нет. Она нагнулась и посмотрела сквозь щель почтового ящика. Зеленый ковер, деревянные ножки столов и стульев – и никаких признаков присутствия живого существа.

Кэтрин села на верхнюю ступеньку и порылась в сумке в поисках блокнота и ручки. Слова надо подбирать очень тщательно. «Дорогая миссис Бригсток», начала она. Нельзя принимать ни наступательную, ни защитную позу. Нельзя выдавать раздражения. Кажется, ей удавалось быть убедительной и объективной. Она вырвала листок из блокнота, сложила его вдвое и протолкнула под дверь. Нет, все же это безумие. Шансы на то, что Нэнси Бригсток жива и прочитает ее записку, не просто малы – они ничтожны. Кэтрин на мгновение прижалась ухом к двери и почувствовала чье-то приближение. Она услышала затрудненное дыхание человека, поднимающегося по лестнице. Кэтрин огляделась. На нее смотрела какая-то женщина с длинными седыми волосами; с плеча у нее свисала сумка с продуктами, дышала она прерывисто.

– Миссис Бригсток? – спросила Кэтрин.

Неужели это Нэнси – после стольких лет болезни, неухоженная, с невымытыми, слишком длинными волосами, в толстых носках, выбивающихся из сандалий со стертymi подошвами? К тому же эта женщина как будто много выше ростом. И все равно... Кэтрин сделала шаг вперед, взглядела в ее лицо, попыталась найти знакомые черты и не нашла. Женщина прошаркала мимо нее, остановилась у соседней квартиры. Она опустила на пол сумку и с трудом вставила ключ в замок.

– Я разыскиваю Нэнси Бригсток. Не знаете, она все еще живет здесь?

– Нет, ее уж много лет как здесь нет, – невнятно пробормотала женщина.

– А не знаете, она еще... – Кэтрин запнулась. – Куда она переехала? Мы как-то потеряли связь, давно не виделись... при последней встрече она показалась мне не совсем здоровой...

Женщина уже вошла в квартиру, но дверь оставила приоткрытой. Она оглядела Кэтрин – взгляд ее был неприветлив, буквально скреб по коже. Взгляд, исполненный подозрительности.

– Я друг семьи... мы потеряли связь... – Кэтрин мучительно подыскивала слова, а глаза сверлили ее, улавливали лукавство, молча говорили: *хороша подруга*.

– Вы из управления социальной защиты? – спросила женщина.

– Да нет, ничего подобного... Просто я потеряла ее адрес и... потом нашла... захотелось поговорить...

– Это насчет ее пенсии?

– Да нет, говорю же, я не имею никакого отношения к этим делам... Просто захотелось повидаться.

– В таком случае вы опоздали. Ее увозили отсюда уже умирающей, и это было несколько лет назад. Бедняга – ее опутали ремнями с головы до ног. Сейчас-то ее уж наверняка нет на этом свете.

– Извините, – пробормотала Кэтрин и отвернулась. Головой думать надо. Разумеется, Нэнси давно умерла. Кэтрин сделала шаг к лестнице.

– Но он мог бы взять... ну то, что вы сунули в почтовый ящик.

Кровь прилила к лицу Кэтрин. Она оглянулась.

– Кто это он?

Женщина с подозрением посмотрела на нее, прикидывая, стоит ли отвечать.

– Кто мог бы взять это? – повторила Кэтрин, и в ее голосе прозвучал легкий оттенок безнадежности. Женщина нахмурилась: в устах друга такой вопрос казался странным. Она начала закрывать дверь, но Кэтрин бросилась вперед и отчаянно попыталась остановить ее. – Пожалуйста...

– Мистер Бригсток. Он иногда здесь появляется.

– Мистер Бригсток?

– Ее муж.

– Но ведь ее муж умер.

– Мне кажется, вы представились другом семьи? – Глаза женщины сузились, свидетельствуя, что Кэтрин разоблачена, лгунья.

– Ее другом. Я знала Нэнси Бригсток. И она говорила мне, что ее муж умер.

– Значит, она вам не доверяла.

Эти слова заставили Кэтрин вздрогнуть: может, так оно и было.

– Мы были подругами... – вновь начала она. Но они не были подругами. Никогда не были. Они были едва знакомы, это слышно даже по ее голосу. – Мы потеряли друг друга... Я пытаюсь понять, что произошло... – На глазах у Кэтрин выступили слезы, и, быть может, именно это заставило женщину сжалиться.

– Я его не видела некоторое время, но вообще-то он здесь появляется. В конце все было очень плохо. Жилье провоняло, но она отказывалась проветривать его, дверь не открывала, так что людям из Союза жильцов пришлось позвонить ему и вызвать сюда. Ключ у него был. Могу себе представить, что он увидел внутри. А потом приехала «Скорая», и ее увезли. С тех пор я ее не видела.

– А что, разве он не жил с ней здесь?

– Нет, это квартира сына. Она обосновалась здесь, когда он был в одной из своих поездок – все время куда-то уезжал. По крайней мере она так сказала. А муж никогда здесь не жил, хотя в последнее время за жильем присматривал. Когда ее увозили, он до самого конца не выпускал ее руки. Говорил, что возьмет ее домой и будет ухаживать. Я своими ушами это слышала. Тут стояла, смотрела, как ее выносят, – может, понадоблюсь. Приятно думать, что в конце они были вместе.

– А номер его телефона у вас есть? Или адрес?

Женщина нетерпеливо фыркнула. Слишком много вопросов. Она покачала головой и закрыла дверь. Кэтрин постучала, ей необходимо было знать больше.

– Скажите хотя бы, как зовут его! – Она ждала. Снова постучала в дверь. – Пожалуйста.

Дверь не открыли. В конце концов Кэтрин начала спускаться по лестнице, скользя вспотевшими ладонями по железным перилам. Она была потрясена тем, что, оказывается, очень многого не знала, и думала про записку, валяющуюся по ту сторону двери и адресованную женщине, которая скорее всего давно умерла. И тут вспомнила, что оставила в записке номер своего мобильного. Проклятие! Интересно, когда он позвонит ей? И что скажет? Что ему, в конце концов, от нее нужно? Этому «мертвому» мужу. Она задалась вопросом, по своей ли воле Нэнси оставила эту квартиру. Или она просто слишком ослабла, чтобы ока-

зывать сопротивление? Может, он заставил ее? Силой увез? Нэнси сказала ей, что он умер. Почему? Боялась того, что он может сделать?

– Стивен... – Имя эхом отдалось на лестнице.

Кэтрин подняла голову и увидела смутную тень, повисшую на верхней площадке.

– Его зовут Стивен.

Она продолжила спускаться, и в сознании у нее мелькали образы книги. Кое-что он ухватил верно. Например, детали ее туалета. Откуда бы ему знать их? И тут до нее эхом донеслись звуки прошлого: тук, тук, тук.

Глава 14

2013, конец весны

Итак, они увиделись — эта женщина и Нэнси. Тайком от меня. Я нашел ее записку, вернувшись в квартиру, чтобы положить на место рукопись. Записку мне пришлось перечитать несколько раз, чтобы убедиться, что я все понял правильно. И, дочитав до конца в очередной раз, я буквально задохнулся, переломился пополам, словно получил мощный удар в солнечное сплетение. Узнать о том, что они встречались, было само по себе тяжело, но что по-настоящему шокировало, так это то, что Нэнси сказала ей, будто я мертв. Эта фраза прямо-таки подкосила меня: «... мы встретились вскоре после того, как вы потеряли мужа». Ее «поразило» то, с каким «достоинством» Нэнси держала себя. Это «навсегда осталось в моей памяти». Она не могла поверить в то, что «вы действительно являетесь автором этой книги, которая каким-то образом попала в мой дом». Она даже не была уверена, что Нэнси вообще знала о ее существовании. Естественно, откуда ей знать? Она же мертва, глупая ты сучка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.